ВЫСШАЯ ШКОЛА ЭКОНОМИКИ
НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ

Р.И. Капелюшников

ИДЕЯ «ВЕКОВОЙ СТАГНАЦИИ»: ТРИ ВЕРСИИ
(обзорная статья)

Препринт WP3/2015/02
Серия WP3
Проблемы рынка труда

Москва
2015

Редактор серии WP3
«Проблемы рынка труда»
В.Е. Гимпельсон

Капелюшников, Р. И.
Идея «вековой стагнации»: три версии (обзорная статья) [Электронный ресурс] : препринт WP3/2015/02 / Р. И. Капелюшников ; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». – Электрон. текст. дан. (2 Мб). – М. : Изд. дом Высшей школы экономики, 2015. – (Серия WP3 «Проблемы рынка труда»). – 42 с.

Работа посвящена критическому анализу идеи «вековой стагнации», активно обсуждаемой в экономической литературе последних лет. Рассматриваются три наиболее известные версии этой идеи, принадлежащие Т. Коуэну, Р. Гордону и Л. Саммерсу. Автор приходит к выводу, что замедление экономического роста США в ближайшие десятилетия вполне реально, хотя едва ли это замедление будет настолько сильным, чтобы использовать для его обозначения термин «стагнация».

Ключевые слова: экономический рост, производительность, стагнация, США

JEL: O33, O40, O47, O51

Препринты Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» размещаются по адресу: http://www.hse.ru/org/hse/wp

© Капелюшников Р. И., 2015
© Оформление. Издательский дом Высшей школы экономики, 2015

Введение

В годы, последовавшие за недавним мировым экономическим кризисом, среди экономистов возродился интерес к, казалось бы, давным-давно похороненной идее «вековой стагнации» (secular stagnation). Это подзабытое словосочетание неожиданно обрело популярность и стало все чаще привлекаться для характеристики как текущего, так и будущего состояния экономик развитых стран (в первую очередь – США). Стоит с самого начала пояснить, что концепция «вековой стагнации» предполагает не полную остановку экономического роста в буквальном смысле слова, а всего лишь его длительное резкое замедление по сравнению с прошлыми, более благополучными временами. Более того, она вполне допускает, что рост в развивающихся странах и даже во всей мировой экономике может, как и прежде, оставаться высоким или даже очень высоким: опасность сильного торможения предвидится только для стран, находящихся на «фронтире» технологического прогресса. Не исключает это и того, что даже в развитых странах на какое-то непродолжительное время (скажем, при выходе из глубокого и затяжного кризиса, как это наблюдается сейчас) темпы экономического роста могут заметно ускоряться, поднимаясь до высоких отметок.

Как показывает обзор существующей (непрерывно пополняющейся) литературы, понятие «вековой стагнации» не имеет четкого, однозначного определения. По остроумному сравнению Б. Эйхенгрина, оно представляет собой что-то вроде теста Роршаха для экономистов: разные исследователи вкладывают в него разный смысл [Eichengreen, 2014].

Рассуждая в терминах современной теории экономического роста, можно выделить три возможных интерпретации. Во-первых, речь может идти о переходе экономики с более высокой на более низкую долговременную траекторию потенциального роста: скажем, от среднегодовых темпов прироста потенциального ВВП 2% к среднегодовым темпам его прироста 1%. Во-вторых, может предполагаться сохранение хронического разрыва между потенциальным и фактическим выпуском (output gap), когда по тем или иным причинам фактический ВВП никак не может приблизиться к потенциальному и экономика из в года в год функционирует с неполной загрузкой производственных ресурсов (ниже уровня «полной занятости»). Наконец, в-третьих, под этим может подразумеваться невозврат экономики на прежнюю линию тренда после глубоких кризисных потрясений: хотя темпы роста могут и не отличаться от тех, что наблюдались ранее, но из-за того, что потери, понесенные во время кризиса, остаются некомпенсированными, ВВП удерживается на более низком уровне, чем тот, на котором бы он находился при отсутствии кризисного «сбоя».

Три этих возможных случая иллюстрируют графики на рис. 1–3. Естественно, представленные на них варианты совсем не обязательно исключают друг друга. Наихудшей можно считать ситуацию, когда все они имеют место одновременно: экономика перешла с более высокой на более низкую траекторию роста потенциального ВВП; ей никак не удается вернуться на уровень полной занятости; потери, понесенные в кризис, остаются некомпенсированными из-за отсутствия посткризисного ускорения (типичного для данной фазы цикла).

Значение высоких темпов роста для благосостояния общества можно проиллюстрировать с помощью так называемого «правила 70» [Gordon, 2014a]. Согласно этому «подручному» правилу, примерное число лет, необходимых для удвоения величины какого-либо показателя, определяется по формуле:

число лет ≈ 70 / темп прироста, выраженный в процентах.

Так, для удвоения душевого ВВП при годовом темпе его прироста 1% потребуется примерно 70 лет, при темпе 2% – 35 лет, при темпе 3% – около 25 лет и т.д. В результате даже небольшое расхождение в текущих показателях экономического роста может оборачиваться огромными различиями в уровне и качестве жизни в долгосрочной перспективе.

Теоретически угроза «вековой стагнации» может вызываться как факторами, лежащими на стороне предложения (скажем, исчерпанием потенциала технологического прогресса), так и факторами, лежащими на стороне спроса (скажем, хронической недостаточностью совокупного спроса). Объяснения первого типа можно охарактеризовать как «ростовые», второго – как «кейнсианские». В современной литературе представлены как те, так и другие.

Первым, кто ввел в оборот идею «вековой стагнации», был известный американский экономист Элвин Хансен (его иногда называют «американским Кейнсом»). Она была высказана им в его президентском обращении к Американской экономической ассоциации в 1938 г. «Вековая стагнация» описывалось Хансеном как сочетание «слабых подъемов, прерывающихся еще в младенчестве, и депрессий, питающих себя сами и оставляющих после себя твердое и по видимости неподвижное ядро безработицы» [Hansen, 1939]. По его прогнозу, в последующие десятилетия исчерпание свободных земельных ресурсов (прекращение расширения территории США), приостановка роста населения и торможение технологического прогресса должны были привести к падению темпов накопления капитала и, как следствие, крайне анемичному экономическому росту. Частных инвестиций, предсказывал он, будет хронически не хватать для поддержания полной занятости, отсюда – перспектива устойчиво высокой безработицы. В подобной ситуации избежать опасности вползания в «вековую стагнацию» можно только

с помощью крупномасштабных государственных инвестиций. Без этого, по мнению Хансена, экономика США была обречена на хроническую стагнацию.

Однако, как показал дальнейший ход истории, мрачные пророчества Хансена ждал полнейший провал. 1930-е годы, когда он их высказывал, оказались едва ли не самым динамичным с точки зрения технологических достижений десятилетием за всю историю США [Field, 2003]; вопреки его предсказаниям всего через несколько лет в США начался настоящий демографический бум; никакой депрессии, которая, согласно представлениям кейнсианцев (например, П. Самуэльсона), должна была неминуемо наступить после окончания Второй мировой войны, так и не произошло. Парадоксально, но хансеновские предостережения прозвучали буквально на пороге «золотого века» американской экономики (1950–1960-е годы), когда она росла так быстро, как никогда раньше и никогда позже. Наконец, в свете современной теории экономического роста сама аргументация Хансена выглядит как внутренне противоречивая и не выдерживающая критики.

Задним числом кажется очевидным, что выдвижение идеи «вековой стагнации» было навеяно негативным психологическим опытом Великой депрессии и что никаких объективных оснований для такого рода катастрофических предсказаний – во всяком случае, в то время – не существовало. Не удивительно, что в конечном счете за этой идеей закрепилась крайне дурная репутация, так что в течение многих десятилетий никому из серьезных исследователей не приходило в голову с ней «заигрывать». Однако во время мирового экономического кризиса конца 2000-х годов, получившего название Великой рецессии, о ней вспомнили вновь и она неожиданно получила достаточно широкое распространение, в том числе и в академических кругах (скорее всего, здесь действовали те же психологические механизмы, что и в 1930-е годы). Многие экономисты предложили свои версии того, почему США или уже вступили, или должны вот-вот вступить в полосу «вековой стагнации». Дискуссии об этом активно ведутся до сих пор, несмотря на, казалось бы, обнадеживающие признаки постепенного выздоровления американской экономики. Так, теме «вековой стагнации» была посвящена одна из сессий на последней конференции Американской экономической ассоциации в 2015 г.

Три наиболее известные попытки такого рода связаны с именами авторитетных американских экономистов, признанных специалистов по данному кругу проблем Тайлера Коуэна [Cowen, 2011], Роберта Гордона [Gordon, 2012; 2014a] и Лоуренса Саммерса [Summers, 2013a; 2013b; 2014a; 2014b].

Версия 1: высоко висящие плоды

Первой по времени оказалась небольшая по объему работа Т. Коуэна «Великая стагнация», рассчитанная на широкого читателя и потому написанная в неакадемическом стиле [Cowen, 2011]. Согласно его диагнозу, экономика США уже несколько десятилетий живет в состоянии «великой стагнации» (т.е. резко снизившихся темпов экономического роста) и, скорее всего, будет продолжать находиться в нем в обозримом будущем[1]. Вхождение в стагнирующее состояние он датирует началом 1970-х годов, когда рост медианного реального дохода американских домохозяйств практически застопорился и на протяжении нескольких последующих десятилетий оставался едва видимым. (Так, если за период 1947–1973 гг. произошло его удвоение, то за период 1973–2004 гг. он вырос всего лишь на 22%.)

Главной причиной «великой стагнации» Коуэн считает исчерпание легко доступных – «низко висящих» – экономических плодов (low-hanging fruit), которыми США имели возможность пользоваться раньше, и связанный с этим вынужденный переход к сбору «высоко висящих» плодов, добывание которых обходится намного дороже и приносит меньшую отдачу: «Рядовые представители предыдущих поколений находились в куда более выигрышном положении, чем мы, поскольку уровень их жизни удваивался каждые несколько десятилетий. Мы пожинали низко висящие плоды на протяжении, по меньшей мере, трех последних столетий. Мы строили экономические и социальные институты исходя из ожидания изобилия низко висящих плодов, но они по большей части уже собраны. … В фигуральном смысле американская экономика пользовалась множеством низко висящих плодов начиная, по крайней мере, с XVII столетия, когда она располагала обширными незанятыми землями, огромной массой иммигрантской рабочей силы и новыми мощными технологиями. Но в течение последних сорока лет эти низко висящие плоды начали исчерпываться, тогда как мы продолжали считать, что они все еще здесь. Мы оказались неспособны признать, что находимся на технологическим плато и что на стоящих перед нами деревьях осталось гораздо меньше плодов, чем нам хотелось бы думать» [Cowen, 2011]. Таким образом, в понимании Коуэна наступление «великой стагнации» было вызвано не столько появлением каких-либо труднопреодолимых препятствий на пути экономического роста, сколько просто постепенным «проеданием» низко висящих плодов. По сути, речь идет о действии закона убывающей доходности (производительности), в данном случае – применительно к экономической истории США.

[1] В отличие от других авторов, идущих вслед за Хансеном, Коуэн предпочитает пользоваться определением «великая», а не «вековая» стагнация.

Коуэн выделяет три основных разновидности низко висящих плодов, которыми в течение долгого времени имела возможность пользоваться американская экономика. Во-первых, до конца XIX в. в США сохранялось обилие свободных плодородных земель, расположенных близко к рекам и озерам, а также залежей полезных ископаемых – преимущество, которого были лишены страны Европы. При этом обилие свободных земельных ресурсов привлекали в США наиболее амбициозных работников-иммигрантов из Европы и их соединение давало огромный выигрыш в производительности. Однако к началу XX в. это преимущество было исчерпано, практически все свободные земли были заняты. Впрочем, низко висящие плоды на этом не кончились.

Во-вторых, в течение длительного времени США располагали огромным пулом одаренной, но не имевшей достаточного образования молодежи. В 1900-е годы аттестаты об окончании полной средней школы среди 17-летних подростков имели лишь 6%, к концу 1950-х – уже 60%, а к концу 1960-х – 80%. В начале XX в. колледж посещал лишь один из каждых 400 молодых людей в возрасте 18–24 года, тогда как столетие спустя – четверо из каждых 10! Для стимулирования ускоренного экономического роста было достаточно обеспечить более-менее приемлемое образование множеству «потенциальных гениев», находившихся среди необученной молодежи, чтобы с фермы или от станка они смогли переместиться в конструкторские бюро или научные лаборатории, где их труд начинал приносить гораздо большую отдачу.

Однако к настоящему времени и этот тип низко висящих плодов практически близок к исчерпанию. Повторить образовательный рывок, который проделали США в XX в., невозможно: во-первых, пул «потенциальных гениев» по определению ограничен, так как по мере расширения система образования начинает включать в свою орбиту все большее число все менее и менее способных молодых людей; во-вторых, охват американской молодежи средним и высшим образованием достиг уже такой высокой отметки, что дальнейшее повышение ее образовательного уровня возможно лишь в очень узких пределах; в-третьих, начиная с 1970-х годов США фактически вышли на образовательное плато (охват молодежи полным средним образованием даже несколько снизился, а высшим хотя и повысился, но не очень значительно); в-четвертых, последние десятилетия были отмечены явным ухудшением качества образования – как школьного, так и вузовского. По наблюдениям Коуэна, сегодня «предельный» студент американского колледжа не может грамотно писать, неспособен свободно читать и плохо владеет правилами арифметики; если несколько десятилетий назад из колледжей,

не закончив курса обучения, выбывал каждый пятый студент, то сейчас – каждый третий. Иными словами, образовательный «дивиденд» также почти полностью проеден.

Наконец, в-третьих, в течение долгого времени экономика США сохраняла доступ к низко висящим плодам, связанным с прорывными технологиями, разработанными в ходе Второй промышленной революции конца XIX – начала XX вв. (электричество, двигатель внутреннего сгорания, телеграф, телефон, радио, телевидение, авиация и др.). После того, как бо́льшая их часть была собрана, а новых сопоставимых по мощи технологий не появилось, экономический рост не мог не замедлиться. Предельные выгоды от инноваций, появившихся много десятилетий назад, постепенно убывали, а предельные выгоды от инноваций, появившихся недавно, оказались далеко не столь значительными. В результате, полагает Коуэн, с точки зрения характеристик вещной среды современная жизнь (если не принимать во внимание компьютеры и Интернет) немногим отличается от той, что была доступна уже в 1950-е годы: люди так же, как и тогда, водят автомобили, пользуются холодильниками, щелкают выключателями электрического света и т.д.

Первая (парового двигателя и железных дорог) и Вторая промышленные революции породили иллюзию, будто быстрый экономический рост может быть равномерным и длиться вечно, но это не так. Мы, по мысли Коуэна, должны отказаться от привычной модели технологического прогресса, предполагающей, что он идет с одной и той же неизменной скоростью, в пользу новой модели, допускающей возможность периодического чередования резких ускорений с последующими выходами на плато. Сейчас экономика США пребывает на одном из таких технологических плато и вывести ее из этого состояния может только следующая крупная технологическая революция, признаки которой пока просматриваются слабо. Падение темпов экономического роста, наблюдавшееся с начала 1970-х годов, само по себе служит верной приметой того, что процесс производства новых идей замедлился. По расчетам некоторых экономистов, в США послевоенный экономический рост был на 80% связан с применением «старых», выдвинутых ранее идей и лишь на 20% – с применением новых, не существовавших прежде [Jones, 2002]. Раньше делать изобретения было гораздо проще и этим вполне успешно могли заниматься даже непрофессионалы. Сейчас ситуация изменилась и, возможно, с этим связана долговременная тенденция к неуклонному падению такого важного показателя, как число выданных патентов в расчете на одного исследователя[2].

[2] При этом Коуэн специально оговаривается, что в подавляющем большинстве стран низко висящие плоды по-прежнему сохраняются в изобилии, поскольку ничто не мешает им заимствовать технологии и институциональные идеи из США, Европы или Японии.

Более того, как замечает Коуэн, существующая статистика производительности и ВВП, по-видимому, в значительной мере приукрашивает реальную картину. Три сектора, которые в последние десятилетия росли опережающими темпами, – это государственное управление, образование и здравоохранение; с каждым годом на них приходилась все большая доля ВВП. Но это именно те секторы, где стимулы сильнее всего искажаются государством и где объем и качество услуг, скорее всего, сильно переоцениваются. Продукция государственного управления, образования и здравоохранения не подлежит рыночной оценке (а если и подлежит, как в случае со здравоохранением, то с крайне высокой степенью недостоверности), так что ее ценность для потребителей фактически измеряется по произведенным затратам. Это означает, что при оценке ВВП убывающая предельная производительность деятельности этих секторов не принимается в расчет (к примеру, неявно допускается, что качество, важность и эффективность государственных инвестиций остаются на одном и том же неизменном уровне даже при резком увеличении их объема). Во многих случаях есть достаточно убедительные основания полагать, что в последние десятилетия рост производительности в этих секторах вообще был отрицательным. (Скажем, по сравнению с началом 1970-х годов реальные затраты на образование выросли в США в 2,5 раза, но навыки по чтению, письму, математике, демонстрируемые школьниками на тестовых испытаниях, не изменились и остались теми же.) С учетом трудностей измерения ценности услуг, оказываемых государственным управлением, здравоохранением и образованием, естественно ожидать, что действительное повышение уровня жизни населения могло было быть намного меньше, чем об этом говорит официальная статистика.

В то же время существует сектор, вклад которого в ВВП недооценивается: это – сектор информационных технологий. Действительно, доступ к множеству услуг Интернета является свободным, они достаются пользователям совершенно бесплатно и, как следствие, не учитываются при подсчетах ВВП. Более того, во многих случаях новейшие информационные разработки способствуют активному *вытеснению* из потребления традиционных продуктов, участвующих в формировании ВВП. Так, современные гаджеты, рыночная стоимость которых минимальна, служат субститутами (причем одновременно!) книг, телефонов, магнитофонов, телевизоров, услуг почтовой связи и т.п. Это – низко висящие плоды, но особого рода, поскольку они не получают материального воплощения и существуют только в сознании человека: «Значительная часть ценности, порождаемой Интернетом, переживается людьми на персональном уровне и потому ничего не добавляет к показателям производительности» [Cowen, 2011].

Многие современные инновации имеют нетрадиционную форму: они генерируют полезность, но при этом почти или совсем не генерируют рыночного дохода (revenue) и создают мало новых рабочих мест. (Когда, к примеру, из своих блужданий по Интернету потребитель извлекает полезность, эквивалентную 20 долл., это никак не отражается на величине ВВП.) В этом, подчеркивает Коуэн, – принципиальное отличие от прорывных технологий прошлого, внедрение которых порождало значительный рыночный доход и сопровождалось созданием большого количества рабочих мест. Он предлагает различать доходо-интенсивные и доходо-неинтенсивные сектора экономики и отмечает, что современный технологический прогресс сосредоточен по преимуществу в доходо-недостаточных секторах. Именно потому, что доходный компонент Интернета и аналогичных информационных технологий сравнительно невелик, они вносят скромный вклад в динамику измеряемого ВВП.

Еще одна важная особенность значительной части современных инноваций заключается в том, что выгоды от них достаются не всем членам общества, а распределяются пропорционально интеллектуальным способностям пользователей, поскольку для обращения с ними требуются определенные специализированные навыки. В этом смысле они носят характер частных, а не общественных благ. (Наглядный пример – инновации в финансовой сфере, выгоды от которых достаются узкому кругу людей и не транслируются в повышение доходов у большинства членов общества.) В этом – еще одно важное отличие от более «демократичных» технологий прошлого, плоды от которых доставались практически всем независимо от степени их технической подготовленности. Отсюда же – растущее экономическое неравенство: современный технологический прогресс смещен в пользу высококвалифицированных работников (skill-biased technological change), в то время как спрос на работников с низкой и/или средней квалификацией может стагнировать или даже снижаться, вызывая падение их доходов.

Но это не значит, что Коуэн является убежденным технопессимистом. Он указывает на несколько факторов, способных противодействовать «великой стагнации». Во-первых, это включение в процесс производства передовых научных и технологических идей крупнейших развивающихся стран – Индии и Китая. Они располагают таким количеством «потенциальных гениев», что это способно придать технологическому прогрессу резкое ускорение и вывести его на новые рубежи. Если раньше исследователи в этих странах занимались в основном разработкой упрощенных версий уже имевшихся продуктов, то теперь они все активнее подключаются к разработке новых. Вполне возможно, что в будущем уже не Индия и Китай будут пользоваться плодами идей, впервые появившихся в США, как это было в прошлом, а, наоборот, США начнут заимствовать новые идеи, идущие из Индии и Китая. Во-вторых,

Интернет резко облегчил и интенсифицировал научные коммуникации между исследователями и открыл новые возможности для самообразования. Это также способно придать технологическому прогрессу новые импульсы. В-третьих, в американском обществе, похоже, сложился консенсус относительно необходимости улучшения качества национальной системы образования. Наконец, еще одним недооцененным фактором, который мог бы способствовать выводу экономики США из состояния «великой стагнации», Коуэн считает повышение социального статуса ученых.

Тем не менее он предупреждает, что США должны быть готовы к тому, что замедленный экономический рост, скорее всего, продолжится и тогда, когда эксцессы Великой рецессии останутся далеко позади. Низкие по историческим меркам темпы экономического роста – это «новая нормальность», с которой так или иначе придется считаться[3].

Мы не будем подробно разбирать версию Т. Коуэна, поскольку ее можно рассматривать как своего рода введение к схожей, но более развернутой аргументации, представленной в работах Р. Гордона. (Любопытно, что сам Гордон на Коуэна никогда не ссылается.) Остановимся лишь на одном вопросе – о наиболее адекватной модели технологического прогресса.

Коуэн, конечно, прав, когда пишет, что принимаемая обычно по умолчанию модель равномерного кумулятивного роста научных и технических знаний не имеет под собой сколько-нибудь прочной эмпирической основы. Однако модель «пульсирующего» технологического прогресса, с периодическим чередованием рывков и пауз, которой он отдает предпочтение, также едва ли может считаться единственно возможной альтернативной [Fernald, Jones, 2014]. Не исключена ситуация, когда процесс производства новых идей оказывается жестко подчинен закону убывающей доходности: каждое следующее открытие требует все больших затрат, так что скорость технологического прогресса последовательно замедляется. Возможна обратная картина, когда расширение запаса научных и технических знаний делает их дальнейшее приращение все более быстрым и все менее затратным, так что технологический прогресс идет с непрерывным ускорением. Еще один возможный вариант – это полное иссякание пула новых идей, что предполагает остановку технологического прогресса (падение его темпов до нуля).

Сама множественность этих альтернативных сценариев свидетельствует о том, что параметры «производственной функции», описывающей процесс производства новых идей, нам

[3] Первыми выражение «новая нормальность» для обозначения ожидаемого долговременного замедления экономического роста начали использовать не академические экономисты, а бизнес-аналитики [El-Erian, 2009]. (Подробнее об этом см. [Афонцев, 2014].) Но со временем оно проникло также и в академические публикации.

неизвестны. Строго говоря, технологический прогресс непредсказуем и попытки его прогнозирования оказываются сопряжены с неизбежными ошибками.

Версия 2: встречные ветры

Иной, более технический подход в традиции Э. Денисона с попыткой квантификации различных источников экономического роста демонстрируют работы Р. Гордона [Gordon, 2012; 2014a].

На рис. 4 представлена долговременная траектория роста американской экономики. Из этого графика видно, что в период с 1891 по 2007 г. реальный душевой ВВП США рос среднегодовым темпом порядка 2%, причем на протяжении всего этого более чем векового отрезка времени он оставался на удивление устойчивым. Двухпроцентный темп прироста предполагает удвоение уровня ВВП примерно каждые 35 лет. Таким образом, при сохранении прежней динамики можно было бы ожидать, что к 2077 г. душевой ВВП США должен будет возрасти в 4 раза – с примерно 50 тыс. долл. в 2007 г. до свыше 200 тыс. долл. в 2077 г. Вопрос, на который пытается ответить в своих работах последнего времени Р. Гордон, – насколько реален подобный оптимистический сценарий, базирующийся на экстраполяции исторических трендов?

Отправной точкой для его рассуждений служит разложение показателя душевого ВВП на две составляющих – часовую производительность труда и количество отработанных часов в расчете на душу населения:

$$Y/N = Y/H \times H/N,$$

где Y – объем реального ВВП, N – численность населения, а H – общее количество отработанных человекочасов. По определению любой фактор, который сокращает либо часовую производительность, либо отработанные часы в расчете на душу населения, будет способствовать снижению темпов роста душевого ВВП.

Как исторически менялось соотношение между темпами прироста часовой производительности, душевого ВВП и количества отработанных часов в расчете на душу населения показано на рис. 5. В первый из выделенных Гордоном подпериодов (1890–1972 гг.) продолжительность рабочего времени постепенно снижалась, так что рост производительности труда шел с опережением по отношению к росту душевого ВВП. Во второй (1972–1996 гг.) это соотношение оказалось перевернутым из-за ускоренного роста количества отработанных часов в расчете на душу населения (примерно на 0,6% в год) по причине массового выхода на рынок труда, во-первых, женщин и, во-вторых, поколения бэби-бумеров. Следствием этого стало

резкое снижение роста часовой производительности – с 2,36 до 1,38%, т.е. на целый процентный пункт. В третий подпериод (1996–2004 гг.) процесс снижения продолжительности рабочего времени возобновился (причем с беспрецедентной по историческим меркам скоростью), но эффект от него был перекрыт скачком в росте часовой производительности – до 2,54%, что в конечном счете позволило обеспечить ускоренный рост также и душевого ВВП. Этот рывок в производительности Гордон связывает с развернувшейся в те годы компьютерной революцией (или Третьей промышленной революцией, как он ее называет), плоды которой до того были практически не видны. Однако эффект от внедрения новых информационных технологий оказался очень непродолжительным: так Гордон интерпретирует тот факт, что в последний подпериод (2004–2013 гг.) среднегодовой темп прироста часовой производительности упал почти вдвое. В сочетании с еще более ускорившимся сокращением продолжительности рабочего времени это привело к самому вялому росту душевого ВВП за весь рассматриваемый период.

Возникает вопрос: может ли американская экономика ускориться или впереди ее ждет продолжение этого негативного тренда, иными словами – «вековая стагнация»? Сам Гордон убежден, что в ближайшие 25–40 лет темпы экономического роста в США будут оставаться чрезвычайно низкими – существенно ниже исторической двухпроцентной «нормы». Он выделяет четыре «встречных ветра» (headwinds), которые, по его мнению, не позволят американской экономике расти так быстро, как когда-то прежде.

Во-первых, это демографическая ситуация, из-за которой в ближайшие десятилетия количество отработанных часов в расчете на душу населения будет продолжать снижаться. Во-вторых, это застой в сфере образования. Полученное работниками образование является важнейшим фактором, определяющим производительность их труда, так что если их образовательный уровень почему-либо перестает повышаться, это неизбежно начинает тянуть вниз темпы экономического роста. Именно по такому сценарию в предстоящие десятилетия, скорее всего, будет развиваться ситуация в США. В-третьих, это углубляющееся неравенство в распределении доходов: не влияя прямо ни на производительность, ни на продолжительность труда, оно, по мнению Гордона, будет ограничивать доступ к плодам экономического роста для подавляющей части населения США, занимающей нижние 99% по шкале распределения доходов (конкретно это будет выражаться в том, что доходы у этих нижних 99% будут расти намного медленнее среднедушевого ВВП). В-четвертых, это огромный накопленный государственный долг, для погашения которого США рано или поздно будут вынуждены начать либо повышать налоги, либо сокращать трансфертные выплаты. Это будет дополнительно

тормозить рост располагаемых доходов населения (т.е. доходов после вычета налогов и предоставления трансфертов) *сверх того* замедления, которое следует ожидать для среднедушевых показателей ВВП.

Помимо этого, Гордон ссылается еще на два сильных «встречных ветра» – глобализацию и удорожание энергоносителей / ужесточение экологических стандартов. Однако поскольку количественная оценка вклада этих факторов в предстоящее замедление экономического роста сталкивается с большими затруднениями, основное внимание он уделяет первым четырем «встречным ветрам». Насколько сильными они будут, насколько может замедлиться из-за них рост американской экономики?

Демография. Динамику количества отработанных часов в расчете на душу населения можно представить как производное от действия четырех факторов: средней продолжительность рабочего времени занятых работников; доли занятых в экономически активном населении; уровня экономической активности трудоспособного населения; соотношения между численностью трудоспособного и всего населения. По оценкам Гордона, изменения в двух из четырех этих показателей, как видно из табл. 1, имели решающее значение: во-первых, занятые стали трудиться намного меньше (вследствие широкого распространения неполной занятости – как по инициативе компаний, так и по инициативе самих работников) и, во-вторых, произошел сильнейший отток населения из экономической активности, который лишь отчасти (причем в незначительной степени) был связан с возросшим охватом молодежи учебой к колледжах. В 1996–2013 гг. за счет первого из этих факторов количество отработанных часов в расчете на душу населения ежегодно снижалось на 0,28%, за счет второго – на 0,32%.

Таблица 1. Компоненты изменения количества отработанных часов в расчете на душу населения, среднегодовые темпы прироста, США, 1996–2013 гг., %

1	Количество отработанных часов / общая численность населения	–0,47
2	Количество отработанных часов / численность занятого населения	–0,28
3	Численность занятого населения / численность экономически активного населения	–0,13
4	Численность экономически активного населения / численность населения в рабочих возрастах (16 лет и старше)	–0,32
5	Численность населения в рабочих возрастах / общая численность населения	+0,25

Источник: Gordon, 2014a.

Для прогноза долгосрочных изменений в показателе *H*/*N* Гордон считает возможным принять, что уровень занятости вернется к своим нормальным значениям, поскольку основной причиной его снижения (см. соответствующую оценку в табл. 1) было временное повышение безработицы в условиях экономического кризиса. Однако в том, что касается динамики показателей продолжительности труда занятых работников и экономической активности

трудоспособного населения, он не видит ничего обнадеживающего и ожидает их дальнейшего ухудшения.

Причин здесь несколько. Во-первых, как признают практически все, одним из главных драйверов наблюдавшегося в США падения продолжительности рабочего времени следует считать действующую систему медицинского страхования, предполагающую предоставление медицинских страховок по месту работы индивидов. В этих условиях компании оказываются заинтересованы в переводе максимального числа работников на неполную занятость, поскольку в таком случае они освобождаются от обязанности предоставлять им медицинскую страховку. Реформа медицинского страхования, проведенная Б. Обамой, еще более усилила стимулы для фирм действовать таким образом.

Во-вторых, в настоящее время в США идет исход с рынка труда многочисленного поколения бэби-бумеров: по оценкам, процесс их выхода на пенсию должен будет занять в общей сложности примерно четверть века (2008–2034 гг.). Очевидно, что появление столь многочисленного контингента пенсионеров, поставляющих на рынок 0 часов труда, должно будет оказать сильнейшее понижательное давление на количество отработанных часов в расчете на душу населения.

В-третьих, отток из экономической активности мог также происходить из-за смягчения требований к получению права на пособия по инвалидности: все большее число людей предпочитали вместо того, чтобы выносить свои услуги на рынок труда, существовать на такие пособия. В том же направлении действовал еще один фактор: умирание промышленных моногородов (one-company towns) вследствие деиндустриализации. В США нередки случаи, когда в таких моногородах уровень экономической активности «проваливался» до 40% или еще ниже[4].

Как уже упоминалось, среднегодовой темп сокращения количества отработанных часов в расчете на душу населения под совместным действием снижения продолжительности рабочего времени занятых работников и падения уровня экономической активности достигал 0,6%. И хотя оснований для заметного улучшения этого показателя не просматривается (см. выше), тем не менее в качестве консервативной оценки Гордон принимает, что в ближайшие десятилетия он будет снижаться не так быстро – примерно на 0,4% в год. Поскольку же на протяжении всего периода 1891–2007 гг. он сокращался в среднем на 0,1% в год, это означает,

[4] Впрочем, Гордон не отрицает того, что наблюдавшееся в последние годы снижение уровня экономической активности могло происходить также и под действием циклических факторов, так что после преодоления последствий рецессии оно может быть частично отыграно назад.

что вклад демографического «встречного ветра» в замедление прироста душевого ВВП составит 0,3 п.п.

Образование. Другой, не менее важный встречный ветер – резкое замедление темпов накопления человеческого капитала, которое давно уже началось и которое еще более усугубится в ближайшие десятилетия (в этом Гордон солидарен с Коуэном). Согласно существующим оценкам, одним из главных драйверов экономического роста в США в течение XX в. было быстрое повышение образовательного уровня рабочей силы. За сто с лишним лет – с 1890 по 2000 г. – среднее число накопленных лет обучения в расчете на одного человека выросло с 8 до 13, или на 63% в относительном выражении [Gordon, 2014a, p. 8]. Но если, как следует из расчетов К. Голдин и Л. Каца, в период 1940–1980 гг. образовательный уровень американских работников повысился с 9,01 до 12,46 лет (среднегодовой темп прироста достигал 0,81%), то в период 1980–2005 гг. он дополнительно поднялся лишь до 13,54 лет (среднегодовой темп прироста скатился до 0,33%) [Goldin, Katz, 2008]. В результате, по оценкам этих авторов, вклад образования в экономический рост снизился примерно на треть – с 0,59 п.п. до 0,37 п.п. [Goldin, Katz, 2008].

Как и Коуэн, Гордон обращает внимание на стабилизацию (даже некоторый откат) показателей охвата молодежи полным средним образованием и незначительный рост ее охвата высшим образованием. (Неблагополучная ситуация в американском среднем образовании, отмечает он, во многом связана с непрерывным увеличением доли молодых людей, заключенных в тюрьмы.) В результате с лидерских позиций в мировом рейтинге США скатились на 16-е место по охвату молодежи как полным средним, так и высшим образованием [Gordon, 2014b].

К этому добавляется крайне низкое качество обучения. Согласно результатам международной сопоставительной программы PISA, в 2013 г. американские школьники занимали 21-е место в мире по достижениям в чтении, 24-е – по достижениям в естественных науках и 31-е – по достижениям в математике [Gordon, 2014a]. Серьезнейшая проблема, с которой сталкивается сейчас американская система высшего образования, – это непрерывное удорожание обучения в колледжах, что делает его все менее и менее доступным. С начала 1970-х годов стоимость высшего образования в США росла в 3 раза быстрее общего индекса потребительских цен. Не удивительно, что в этих условиях шло непрерывное наращивание задолженности по студенческим займам, превысившее к настоящему времени 1 трлн долл. Из-за этого многие студенты вынуждены совмещать учебу с работой, что, естественно, отрицательно сказывается на качестве получаемого ими образования.

По существу, все исследователи едины сегодня в том, что в ближайшие десятилетия США ждет практически полная остановка образовательного роста. Стагнация образовательного уровня рабочей силы неизбежно повлечет за собой замедление темпов экономического роста. По наиболее авторитетным оценкам Д. Джоргенсона, в период 2010–2020 гг. вклад образования в рост душевого ВВП снизится с 0,27% в предыдущие десятилетия до совершенно мизерной величины – 0,06% [Jorgenson, 2014]. Соответственно Гордон предполагает, что вычет за счет замедленного накопления человеческого капитала составит –0,2 п.п. Вместе с вычетом за счет демографических факторов (–0,3 п.п.) это будет означать откат среднегодовых темпов прироста душевого ВВП от исторической «нормы» 2% до отметки 1,5%.

Неравенство. Плоды экономического роста могут распределяться очень неравномерно между различными группами, если в каких-то одних частях кривой распределения доходы растут быстрее среднего показателя для всего населения, тогда как в каких-то других – медленнее. Именно такую картину рисует Гордон для экономики США. Он отмечает, что доля в общей сумме доходов лиц, принадлежащих к наиболее обеспеченному 1%, была очень высокой в период 1913–1929 гг.; драматически снизилась в последующие десятилетия, удерживаясь на этой гораздо более низкой отметке вплоть до начала 1970-х годов; затем начала постепенно повышаться вновь, пока не вернулась в последние годы обратно к пиковым значениям начала XX в. В результате если говорить о нижних 99%, то рост их реальных доходов на протяжении нескольких последних десятилетий существенно отставал от роста среднего дохода (для всех 100% населения). Гордон ссылается на данные известного американского исследователя Э. Саеца, согласно которым в 1993–2012 гг. у нижних 99% темп прироста реального дохода был на 0,53 п.п. ниже среднего показателя для всех его получателей [Gordon, 2014a, p. 12].

И поскольку Гордон не видит никаких оснований ожидать в будущем сокращения масштабов неравенства, постольку для темпа прироста реальных доходов нижних 99% он производит дополнительную корректировку на –0,5 п.п. В результате ожидаемый темп экономического роста для большинства населения США сокращается с 1,5 до 1%.

Государственный долг. Еще один «встречный ветер», который, по мнению Гордона, неизбежно будет тормозить рост реальных доходов нижних 99%, – это огромный государственный долг и необходимость его погашения. Рано или поздно для этого потребуется либо повышать налоги, либо сокращать трансфертные выплаты (либо делать то и другое вместе). Отсюда – разрыв между динамикой рыночных доходов (до вычета налогов и перераспределения трансфертов) и динамикой располагаемых доходов (после вычета налогов и перераспределения трансфертов). В терминах среднегодовых темпов прироста этот разрыв, по

предположению Гордона, составит как минимум 0,2 п.п. – такой он видит цену предстоящей фискальной коррекции.

В результате для реальных располагаемых доходов нижних 99% населения США он приходит к оценке среднегодового темпа прироста в размере 0,8%:

2% (историческая «норма») – 0,3% (демография) – 0,2% (образование) – 0,5% (неравенство) – –0,2% (фискальная коррекция) = 0,8%.

Гордон специально подчеркивает, что эта оценка получена им *до* какого-либо обсуждения вероятных перспектив инновационной активности и роста производительности. Четырех «встречных ветров» оказывается вполне достаточно для того, чтобы сократить ожидаемые темпы экономического роста более чем вдвое (с той оговоркой, что речь идет о среднегодовом темпе прироста не душевого ВВП страны, а реальных располагаемых доходов наименее обеспеченных 99% населения). И если в случае сохранения среднегодового темпа прироста 2% уровень жизни в США мог бы возрасти к 2077 г. до 200 тыс. долл., то при темпе прироста 0,8% он сможет повыситься к этой дате лишь до 86 тыс. долл.

Производительность. Насколько изменится эта оценка, если принять во внимание возможные изменения в динамике производительности вследствие колебаний в инновационной активности? С точки зрения динамики часовой производительности труда два из четырех выделенных Гордоном подпериодов могут быть названы благоприятными (1890–1972 гг. и 1996–2004 гг.) и два неблагоприятными (1972–1996 гг. и 2004–2013 гг.). Успехи первого «благоприятного» подпериода он связывает с прорывными инновациями, появившимися в ходе Второй промышленной революции: сама продолжительность этого подпериода (свыше 80 лет!) свидетельствует, насколько эпохальными оказались ее достижения.

Последующее сорокалетие включает в себя два неблагоприятных подпериода, разделенных лишь короткой передышкой (длительностью всего лишь в 8 лет) сверхбыстрых темпов роста производительности. Эту передышку, как мы уже упоминали, Гордон относит на счет Третьей промышленной революции, связанной с изобретением Интернета, электронной торговли и т.д. Произошедший тогда рывок в динамике производительности он объясняет, во-первых, беспрецедентным (никогда затем не повторявшимся) удешевлением памяти и быстродействия компьютеров, и, во-вторых, опять-таки беспрецедентным увеличением доли сектора информационных технологий в ВВП США. Однако бум производительности, последовавший за появлением Интернета, оказался разочаровывающе коротким по сравнению с бумом, последовавшим за появлением электричества и двигателя внутреннего сгорания. К этому Гордон добавляет, что для развертывания Третьей промышленной революции

потребовался чрезвычайно длительный период разгона: первые компьютеры появились еще в 1960-е годы, но их влияние на производительность стало ощущаться в лучшем случае с середины 1990-х годов. В обоих этих отношениях, по его мнению, Третья промышленная революция не идет ни в какое сравнение со Второй [Gordon, 2014a].

Оценить их экономические последствия можно, сравнив усредненные годовые темпы прироста часовой производительности труда за 1891–1972 гг. и 1972–2013 гг.: если Вторая промышленная революция смогла обеспечить ее рост на 2,36% в год, то Третья – лишь на 1,59%, т.е. на треть меньше. И поскольку, убежден Гордон, ничто не указывает на приближение каких-либо технологических прорывов, которые могли бы обеспечить новый скачок в производительности, естественно предполагать, что в ближайшие десятилетия она будет повышаться с той же скоростью, что и в предыдущие сорок лет. Это означает снижение годовых темпов ее прироста на 0,6 п.п. по сравнению с долгосрочным показателем (2,2%), который поддерживался на протяжении всего периода 1891–2007 гг.[5]

Свое «упражнение в вычитании» Гордон заканчивает диаграммой, представленной на рис. 6. Согласно его прогнозу получается, что в ближайшие 25–40 лет среднедушевой ВВП США будет ежегодно возрастать не более чем на 0,9%, а реальный располагаемый доход нижних 99% и того меньше – на 0,2%. Рост на 0,2% – это, конечно же, самая настоящая «стагнация», хотя сам Гордон, как правило, избегает активно пользоваться этим термином. При этом он особо оговаривается, что никакого магического значения цифре 0,2% он не придает: любая другая величина ниже 1% точно так же будет означать резкое замедление роста экономики США по сравнению с опытом предшествующих более ста лет[6].

Пессимизм Гордона натолкнулся на жесткую критику со стороны технооптимистов, таких как Дж. Мокир [Mokyr, 2014a; 2014b] или Э. Бринйолфссон и Э. Мак-Аффи [Brynjolfsson, McAffee, 2014]. Эта критика шла по двум главным направлениям.

---

[5] Существует еще один серьезный повод для тревоги за будущее американского экономического роста: это – потеря экономикой США былого предпринимательского динамизма. Процесс созидательного разрушения, когда более производительные фирмы рождаются, а менее производительные умирают, более производительные рабочие места создаются, а менее производительные ликвидируются, является важнейшим драйвером повышения производительности труда. Согласно имеющимся оценкам, в США с конца 1970-х годов коэффициент рождаемости фирм снизился с 15% до 8%, тогда как коэффициент их смертности сохранялся примерно на одном и том же уровне 9–10%. За этот же период коэффициент перераспределения рабочих мест (представляющий собой сумму коэффициентов их создания и ликвидации) упал на 10 п.п. – с 36% до 26% [Hathaway, Litan, 2014]. Столь значительное ослабление предпринимательской активности также могло способствовать более вялому росту экономики США.

[6] Впрочем, он не упускает случая заметить, что именно таким «черепашьим» темпом росла экономика Англии в доиндустриальный период 1300–1700-х годов.

Во-первых, указывалось на то, что стандартная статистика ВВП и производительности труда плохо приспособлена к тому, чтобы адекватно улавливать рост экономического благосостояния общества за счет разнообразных инноваций, рожденных в ходе компьютерной революции. Отсюда – недооценка действительных темпов экономического роста и иллюзия его замедления на протяжении последних лет. На это Гордон резонно возражает, что измерения ВВП всегда занижали величину потребительского излишка, получаемого от инноваций, и есть достаточно оснований полагать, что масштабы подобных искажений в эпоху Второй промышленной революции (скажем, при переходе от конного транспорта к автомобильному) были куда больше, нежели сейчас.

Во-вторых, высказывалась уверенность в том, что в настоящее время американская экономика находится в «точке перегиба» – перехода от медленного технологического прогресса в недавнем прошлом к ускоренному технологическому прогрессу в ближайшем будущем: делались ссылки за закон Мура, предполагающий бесконечный экспоненциальный рост мощности компьютеров; перечислялись новейшие прорывные разработки, внедрение которых будет способно обеспечить резкий скачок в производительности; утверждалось, что сама мысль о приостановке технологического прогресса свидетельствует об отсутствии воображения и что прежде подобные прогнозы всегда проваливались; и т.д.

Однако Гордон занимает в данном вопросе скептическую позицию. С его точки зрения, если в ближайшее время и можно ожидать каких-либо перемен, то это будет не ускорение, а, напротив, торможение технологического прогресса[7]. Такой вывод он делает из сравнения базовых характеристик Второй и Третьей промышленных революций. Вторая промышленная революция была многомерной и затрагивала буквально все стороны жизни общества; ключевые инновации, составившие ее ядро, дополняли друг друга, причем все они появились практически одновременно – в 1879 г.; период их созревания был недолгим и достаточно быстро они уже начали давать плоды; консолидация ее разнообразных аспектов через дополнительные изобретения растянулась на целых 80 лет; инновации, представлявшие собой ее отдаленные последствия, продолжали делаться и много позднее. Третья промышленная революция оказалась одномерной и затронула только одну сторону жизни общества – работу с информацией; период созревания у инноваций, составивших ее ядро, растянулся на несколько десятилетий; пик ее влияния был очень коротким и длился менее десяти лет. В результате Третью промышленную революцию Гордон считает лишь слабой тенью Второй.

[7] Среди российских экономистов сторонником идеи «инновационной паузы» является В.М. Полтерович [Полтерович, 2009].

Более того, ее потенциал, по его мнению, уже практически полностью выбран. Так, к 2005 г. завершился переход к современному офису, оснащенному компьютерами с плоскими экранами и доступом к Интернету; затем прогресс в этой области остановился. По всему миру используемое в офисах оборудование и производительность офисного персонала практически не отличаются от того, что можно было видеть десять лет назад. Что касается бытовой техники, то она мало изменилась по сравнению с тем, что уже существовало в 1950-е годы (здесь позиции Гордона и Коуэна опять-таки совпадают). К этому времени важнейшие бытовые приборы были уже изобретены; после 1970 г. парк домашнего оборудования пополнился лишь микроволновыми печами, кондиционерами, усовершенствованной аудио- и видеоаппаратурой (цветные телевизоры и т.п.). О замедлении прогресса в области потребительской электроники говорят представители самой этой отрасли [Gordon, 2014a, p. 30].

Гордон перечисляет важнейшие инновации, на которые возлагают надежды технооптимисты: это генная инженерия и перестройка на новой основе медицины и фармакологии; робототехника, искусственный интеллект и трехмерная печать; анализ больших массивов данных; автоматизированный («безводительский») автомобильный транспорт. По его мнению, все эти технологии либо начали использоваться уже давно (роботы), либо их потенциал с точки зрения влияния на производительность ограничен (скажем, даже если автомобилем станет управлять автомат, человек, чтобы переехать в другое место, все равно будет вынужден, как и сейчас, находиться в салоне автомобиля).

Технооптимисты, настаивает Гордон, не учитывают временного характера ускорения роста производительности в эпоху dot.com в конце 1990-х годов. Основной эффект от Третьей промышленной революции уместился в ограниченный отрезок времени с 1996 по 2004 г., тогда как ее вклад в повышение производительности как до, так и после этого был очень небольшим. Это была уникальная ситуация и нет оснований ожидать, что она почему-либо повторится, о чем свидетельствуют различные данные. Так, темп прироста производственных мощностей в обрабатывающей промышленности США на протяжении долгого времени находился в диапазоне 2–3%, в конце 1990-х годов поднялся до 7%, но затем начал снижаться, став к 2012 г. отрицательным. Сходным образом менялась доля в добавленной стоимости обрабатывающей промышленности США отраслей, производящих информационное и компьютерное оборудование: в 1972 г. она составляла 3%, подскочила до 8,5% в 2000 г., а затем стала убывать, вернувшись в 2013 г. на исходный низкий уровень. О том же говорит и динамика цен на компьютерную технику с учетом изменений в ее производительности: самое сильное их падение – на 15% – отмечалось в 1998 г.; затем темп их снижения стал замедляться, а в 2012 г.

удешевление компьютерного оборудования вообще сменилось его удорожанием[8]. Все это плохо вяжется с перспективой резкого оживления инновационной активности и ускорения темпов роста производительности труда.

В то же время Гордон оговаривается, что предположение о возможной заминке технологического прогресса – не точный прогноз, а всего лишь реплика в споре с технооптимистами. Его количественный прогноз исходит из *фактического* темпа прироста часовой производительности в период 1972–2013 гг. Единственное допущение, которое при этом делается, состоит в том, что инновационная активность на протяжении предыдущих 40 лет служит лучшим ориентиром для ее прогнозирования на протяжении следующих 40 лет, нежели ее активность на протяжении еще более ранних 80 лет [Gordon, 2014a, p. 28]. Иными словами, его прогнозная оценка предполагает не замедление скорости технологического прогресса, а всего лишь ее сохранение на уровне последних четырех десятилетий. Приняв это предположение, Гордон приходит к неутешительному выводу: «В ближайшие полвека медленное повышение уровня жизни в США проложит обгонный путь для многих стран, которые начнут одна за другой превышать американский уровень ВВП на душу населения, имея возможность приобретать американские инновации и в то же время сталкиваясь со встречными ветрами, которые по сравнению со штормами, которые обрушатся на Соединенные Штаты, будут казаться легким бризом» [Gordon, 2014a, p. 39].

В качестве шагов, способных хотя бы отчасти затормозить сползание в стагнацию, Гордон предлагает целый ряд мер: повышение планки пенсионного возраста; увеличение квот на легальную миграцию в США; легализацию наркотиков и отказ от заключения в тюрьмы в качестве меры наказания за преступления, не связанные с насилием; перестройку американской системы образования по модели, существующей в Канаде; организацию медицинского страхования вне связи с местом работы застрахованных; введение налога на добавленную стоимость; увеличение налоговых ставок на дивиденды и на доходы от прироста капитала [Gordon, 2014b].

Однако аргументация Гордона, как и аргументация Коуэна, дает немало поводов для сомнений и возражений. Так, затухание темпов роста производительности, которое он (как и многие другие исследователи) фиксирует для США начиная с середины 2000-х годов, трактуется им как начало нового долговременного тренда. Но на этот период наложилась

[8] К этому можно добавить, что падение темпов роста производительности в период 2004–2013 гг. было сосредоточено в секторах, производящих или интенсивно использующих продукты информационных технологий [Fernald, 2014].

глубокая экономическая рецессия и отделить в подобной ситуации циклические колебания от долгосрочных сдвигов оказывается далеко не тривиальной задачей. Вполне возможно, что значительная часть произошедшего в последние годы торможения роста производительности была временной и что после преодоления последствий рецессии она будет компенсирована.

Отрезок 1890–1972 гг. Гордон представляет как период устойчиво высоких темпов технологического прогресса, но, это, конечно же, не так. Внутри этого периода точно так же, как внутри более позднего отрезка 1972–2013 гг., легко обнаруживаются взлеты и падения, волны ускорения и волны замедления динамики производительности [Syverson, 2013]. С учетом этого нельзя исключить, что затухание инновационной активности, которое наблюдалось в последнее время, могло быть не более чем паузой перед началом «второй волны» компьютерной революции, способной придать росту производительности новое ускорение.

Гордон много рассуждает о приостановке технологического прогресса в том, что касается оснащения офисов и жилых домов, но он ничего не говорит о перспективах использования информационных технологий в собственно «производственных» процессах. А здесь, по наблюдениям многих исследователей, потенциал информационных технологий еще очень далек от исчерпания (см., например, [Baily, Manyika, Gupta, 2013]).

Строго говоря, Гордон не строит никакого прогноза роста душевого ВВП или производительности труда, а просто экстраполирует показатели недавнего прошлого на ближайшее будущее. Исследователи, которые действительно пытались прогнозировать возможные изменения в производительности труда, рисуют намного более сложную и менее однозначную картину. Так, Д. Бирн, С. Олинер и Д. Сичел [Byrne, Oliner, Sichel, 2013] выделили около сорока параметров, от которых может зависеть будущая динамика производительности, и затем рассчитали серию альтернативных прогнозов в зависимости от того, какое из фактически наблюдавшихся в прошлом значений будет принимать каждый из них – максимальное, минимальное или среднее (последний вариант принимается ими как базовый). Базовый вариант прогноза выводит на ожидаемый годовой темп прироста производительности труда в несельскохозяйственном деловом секторе США для периода 2012–2022 гг. 1,8%. (При наименее благоприятном сценарии он снижается до 0,88%, при наиболее благоприятном возрастает до 2,82%.) Как видим, это практически совпадает с экстраполяционной оценкой Гордона – 1,6%. Казалось бы, эти результаты подтверждают его пессимистические выводы.

Однако Бирн с соавторами обращают внимание на ненадежность официального индекса цен производителей применительно к микропроцессорам (основному элементу стоимости информационного оборудования), который разрабатывается и публикуется Бюро статистики

труда США. Согласно этому индексу, падение цен на микропрцессоры достигло пика в 1998 г., затем стало постепенно снижаться, а к 2012 г. полностью остановилось (на аналогичные данные, напомним, ссылается и Гордон). Но такая динамика цен плохо согласуется с динамикой производительности микропроцессоров, которая на протяжении всех 2000-х годов быстро росла – примерно на 30% ежегодно. Альтернативный индекс, разрабатываемый экспертами ФРС, показывает, что в этот период цены на микропроцессоры продолжали устойчиво снижаться (на 30–40% в год). С учетом этой альтернативной динамики цен прогнозная оценка ожидаемого годового темпа прироста производительности труда возрастает с 1,8 до 2,5%. Подобный сценарий означал бы возвращение показателя производительности труда на свою долговременную траекторию роста и в таком случае основания говорить о «стагнации» полностью бы исчезали. Все это позволяет Бирну с соавторами сделать вывод, что, вопреки Гордону, революция информационных технологий еще далека от завершения [Byrne, Oliner, Sichel, 2013].

Данные о неравенстве, на которые ссылается Гордон, относятся к рыночному денежному доходу, т.е. к доходу без учета дополнительных неденежных выгод (таких как отчисления на медицинское страхование), а также до вычета налогов и предоставления трансфертов. Переход к данным о полных доходах рисует картину относительной стабильности структуры их распределения, без каких-либо признаков взрывного роста неравенства. Не учитывает он и того, что при прогнозируемых им низких темпах технологического прогресса масштабы неравенства должны будут начать снижаться, поскольку верхний 1%, состоящий из наиболее состоятельных получателей дохода, во многом формируется за счет инноваторов, добившихся признания их идей рынком. Но замедление технологического прогресса означает уменьшение числа сверхуспешных инноваторов, а уменьшение их числа означает снижение доли доходов верхнего 1%.

Что касается фискальной коррекции (увеличения налогов и/или сокращения трансфертов для погашения накопленного государственного долга), то необходимость в ней будет в конечном счете зависеть от того, насколько высокими или низкими окажутся будущие темпы экономического роста. Если, например, они будут существенно выше, чем допускает Гордон, то никакой фискальной коррекции может вообще не понадобиться.

К числу «встречных ветров», с которыми придется столкнуться экономике США, Гордон относит глобализацию. Но это расходится с представлениями, выработанными в рамках современной теории экономического роста, согласно которым глобализация является фактором

не замедления, а ускорения экономического роста за счет активизации процесса обмена научными и техническими идеями [Jones, Romer, 2010].

Насколько легко впасть в ошибку, рассуждая о будущем, показывает аргументация Гордона о «встречном ветре» в форме предсказывавшегося им роста цен на энергоносители. Утверждения о неизбежности их удорожания продолжали делаться им даже в начале 2014 г. – всего за несколько месяцев до начала обвального падения мировых цен на нефть. Похоже, что в своих прогнозах он явно недооценил потенциал одной из ключевых инноваций последних лет – сланцевой революции.

Наконец, нелишне напомнить, что на протяжении нескольких последних десятилетий при прогнозировании возможных сдвигов в траектории экономического роста США практически все аналитики раз за разом промахивались мимо цели и их предсказания неизменно оказывались далекими от реальности [Byrne, Oliner, Sichel, 2013, p. 14].

Версия 3: нулевая нижняя граница процентных ставок

Версия, разработанная Л. Саммерсом, предстает как наиболее «хансеновская» как с точки зрения диагностики предполагаемых причин «вековой стагнации», так и с точки зрения выдвигаемых рекомендаций по ее лечению [Summers, 2013a; 2013b; 2014a; 2014b]. Как и Хансен, Саммерс усматривает суть «вековой стагнации» в хронической невозможности вернуть экономику в состояние полной занятости – в сохранении устойчивого разрыва между потенциальным и фактическим ВВП. При этом, в противоположность Коуэну и Гордону, он связывает главные недуги современной американской экономики не столько с факторами, лежащими на стороне предложения, сколько с факторами, лежащими на стороне спроса.

Саммерс критически настроен по отношению к традиционным представлениям, выработанным современной макроэкономической теорией, согласно которым основой при обсуждении долгосрочных экономических проблем должна выступать неоклассическая теория роста, тогда как краткосрочные проблемы должны анализироваться исходя из неокейнсианского предположения о жесткости цен и заработной платы. При таком подходе денежная политика оказывается не нейтральной только в краткосрочном периоде, тогда как в долгосрочном механика экономического роста делает ее неоперациональной: с вмешательством государства или без него, но рано или поздно экономика все равно возвращается в состояние полной занятости. В отличие от этого Саммерс считает, что пребывание экономики на уровне ниже потенциала может приобретать хронический, долговременный характер. Отсюда – идея «вековой стагнации»: «К сожалению, почти все работы как в традициях новой классики,

так и в традиции нового кейнсианства фокусировались на втором моменте, т.е. вариации показателей выпуска и занятости. Такой подход означает, что в конечном счете, с вмешательством политики или без него, работа рынка будет восстанавливать полную занятость и ликвидировать разрыв в выпуске. Все упирается исключительно в волатильность выпуска и занятости относительно их нормальных уровней. То, что случилось в последние годы, предполагает, что второй момент имеет куда меньшее значение по сравнению с первым моментом – поведением во времени средних уровней выпуска и занятости» [Summers, 2014a, p. 29].

Итак, «стагнация» в понимании Саммерса представляет собой неустранимый разрыв выпуска, который невозможно ликвидировать традиционными средствами денежной политики[9]. Она, по его мнению, имеет все шансы сделаться «новой нормальностью», так что США и другие развитые страны еще долго не смогут вернуться к полной занятости и быстрому росту, если только не решатся задействовать неконвенциональные меры экономической политики [Summers, 2013b]. Наглядный пример того, что может их ожидать в ближайшем будущем, дает опыт Японии: стагнацию японской экономики тоже первоначально принимали за временное явление, а она растянулась на десятилетия.

В своих построениях Саммерс исходит из нескольких наблюдений [Summers, 2013b]. Первое: до начала Великой рецессии в экономике США шло активное надувание финансовых пузырей, стандарты кредитования подвергались все более сильной эрозии, проводилась очень мягкая денежная и достаточно экспансионистская фискальная политика. Казалось бы, в этих условиях следовало ожидать высокой инфляции, сверхнизкой безработицы и ускоренных темпов роста, но ничего этого не было: никакого особого перегрева в экономике не ощущалось, коэффициент использования производственных мощностей не находился под каким-либо видимым давлением, инфляция была невысокой, экономический рост продолжал оставаться скромным. Иными словами, даже надувание финансовых пузырей не смогло привести к безусловному избытку совокупного спроса.

Второе: прошло уже более пяти лет, как панику на финансовых рынках удалось купировать и экономика США оттолкнулась от дна после глубокого спада в 2007–2009 гг. Как показывает опыт, чем глубже рецессия, тем энергичнее последующее восстановление. Но на этот раз ничего похожего на посткризисное ускорение не наблюдалось: несмотря на сверхмягкую денежную политику, выход из кризиса оказался затяжным и очень вялым,

[9] В терминах неокейнсианской теории это предполагает, что цены и заработная плата могут оставаться жесткими бесконечно долго.

безработица рассасывалась крайне медленно, ожидаемого «подскока» темпов роста так и не произошло.

Третье: в последние десятилетия в США наблюдался устойчивый тренд к снижению реальных ставок процента. Однако произошедшего их падения оказалось недостаточно для возвращения экономики в состояние полной занятости: чтобы это стало возможно, они должны были бы упасть еще сильнее, но их дальнейшее снижение наталкивалось на нулевой нижний порог (zero lower bound) устанавливаемой центробанками номинальной процентной ставки, которая, по общему правилу, не может опускаться ниже нуля. В результате возникла ситуация, когда реальная ставка процента поддерживалась на уровне, устойчиво превышавшем его естественную (равновесную) норму. В отличие от естественной нормы процента, которая, по оценкам Саммерса, откатилась уже далеко в зону отрицательных значений (составляя порядка –2–3%), фактическая реальная ставка процента при низкой инфляции может быть в лучшем случае лишь слабо отрицательной – даже когда номинальная ставка оказывается снижена до нуля. Именно из-за того, что номинальные ставки жестко ограничены снизу нулевым порогом, реальные ставки оказываются неспособны упасть настолько, насколько это необходимо, чтобы подтолкнуть сбережения вниз, а инвестиции вверх и таким образом способствовать достижению полной занятости. В подобной ситуации традиционные меры денежной политики, направленные на регулирование центробанками номинальных ставок, становятся бесполезными.

Четвертое: в условиях нулевых номинальных ставок снижение цен и заработной платы, скорее всего, будет только ухудшать положение, во-первых, побуждая потребителей и инвесторов откладывать расходы на будущее и, во-вторых, перераспределяя доходы от должников с более сильной склонностью к расходам к кредиторам с более слабой склонностью к расходам.

Ситуация в американской экономике, описываемая Саммерсом как «вековая стагнация», длится, по его мнению, уже около двадцати лет. Однако до поры до времени она маскировалась регулярным надуванием финансовых пузырей: это позволяло сохранять видимость «нормальных» темпов экономического роста, но когда пузыри начинали лопаться, сразу становилось ясно, насколько хрупким он был на самом деле. (Саммерс задает риторический вопрос: какие темпы роста мы увидели бы в середине 2000-х годов без пузырей на жилищном рынке и рынке деривативов, без эрозии стандартов кредитования, без мягкой денежной и экспансионистской фискальной политики?) В подобной ситуации финансовая нестабильность оказывается ценой, которую приходится платить за поддержание более или менее приемлемых

темпов экономического роста. В учетом этого Саммерс так определяет суть «вековой стагнации»: это – «невозможность, для экономики одновременно достигать полной занятости, удовлетворительного роста и финансовой стабильности при помощи конвенциональных мер денежной политики» [Summers, 2014a, p. 29].

В обычных условиях реальная ставка процента способна снижаться до тех пор, пока между желаемыми сбережениями и желаемыми инвестициями не восстанавливается равенство на уровне выпуска, соответствующего состоянию полной занятости. Соответственно любые изменения, происходящие в экономике, отражаются прежде всего на уровне процента, не затрагивая впрямую сбережения и инвестиции. Однако это предполагает полную гибкость процентных ставок. Поскольку же в современных экономиках они не являются полностью гибкими в сторону снижения (из-за существования нижнего нулевого порога), колебания в экономике начинают прямо влиять на объемы сбережений и инвестиций.

Но что же могло вызвать столь резкое снижение реального процента, причем не только в США, но и в других развитых странах? Прежде всего Саммерс ссылается на переизбыток сбережений в мировой экономике – идею, впервые высказанную А. Гринспеном [Greenspan, 2005] и Б. Бернанке [Bernanke, 2005]. Рынок наводнен сбережениями: домохозяйства недостаточно тратят на потребление, а фирмы недостаточно инвестируют (даже при номинальных ставках, близких к нулю). Инвестиций не хватает, чтобы абсорбировать всю эту огромную массу сбережений.

Однако для полного объяснения ссылки на «переизбыток сбережений» недостаточно. Если бы все ограничилось сдвигом кривой сбережений вниз, то реальная ставка процента действительно, как показано на рис. 7, упала бы, но одновременно с этим возрос бы объем инвестиций. Чтобы этого не случилось, параллельно со сдвигом кривой сбережений вниз (ситуация «переизбытка сбережений») в том же направлении должна сместиться кривая инвестиций (ситуация «инвестиционного голода»). Только если сдвиги обеих кривых достаточно сильны, точка их пересечения, соответствующая естественной ставке процента, может оказаться в зоне отрицательных значений.

Но почему так могло произойти? Саммерс ссылается на несколько причин, которые могли либо повышать склонность к сбережению либо понижать склонность к инвестированию. Во-первых, замедление роста населения (а возможно, и темпов технического прогресса) должно было вести к снижению спроса на новое капитальное оборудование, так как потребность в оснащении им новых работников становилась слабее. Во-вторых, снижение цен на капитальные блага (прежде всего – связанные с информационными технологиями) означало, что за тот же

объем сбережений можно было приобрести больший объем капитала. Из-за этого инвестиционный спрос опять-таки ослабевал. В-третьих, вследствие углубления неравенства, а также увеличения доли капитала в ВВП происходило перераспределение доходов от тех, у кого склонность к сбережению слабее (менее состоятельных; лиц, занятых наемным трудом), к тем, у кого она сильнее (более состоятельных; владельцев капитала). В-четвертых, растущие затруднения в сфере финансового посредничества, а также усиление регулятивного бремени увеличивали спрос на безопасные активы и тянули доходность по таким активам с учетом инфляции (т.е. реальные процентные ставки) вниз. В-пятых, шло активное аккумулирование резервов центральными банками различных стран, прежде всего – развивающихся. В конечном счете сочетание отрицательных реальных процентных ставок с низкой инфляцией препятствовало достижению экономикой состояния полной занятости.

Саммерс оговаривается, что «вековая стагнация» – это не фатум, а чрезвычайное событие, от которого следовало бы застраховаться. Но как управлять экономикой с хронически нулевой номинальной процентной ставкой, превращающейся в системный тормоз экономической активности? Он видит два возможных подхода. Первый – пытаться воздействовать на реальный процент, снижая его либо путем неконвенциональной денежной политики (мер количественного смягчения), либо путем повышения целевого ориентира инфляции (скажем, с 2 до 4%, за что активно выступает главный экономист МВФ О. Бланшар). Однако такой подход, опасается Саммерс, чреват возникновением пузырей и нестабильностью на финансовых рынках. Более предпочтительным ему представляется второй путь, связанный с подавлением сбережений и поощрением инвестиций, который не будет подрывать финансовой стабильности системы. Это – стимулирование совокупного спроса за счет массированных государственных инвестиций; снижения структурных барьеров для частных инвестиций; расширения экспорта; улучшения инвестиционного климата; сокращения неравенства.

Переходя к критической оценке подхода Саммерса, отметим, что он содержит немало белых пятен. Так, несколько неожиданно выглядит его комментарий об отсутствии в середине 2000-х годов перегрева в американской экономике. Разве падение безработицы до уровня ниже 4,5%, ускорение инфляции до почти 4% и бум цен на жилье не свидетельствуют о том, что в эти годы она функционировала с превышением своих возможностей [Taylor, 2013]?

Далеко не очевидно предположение о формировании в мировой экономике «переизбытка сбережений», которое Саммерс склонен принимать за установленный факт. По расчетам Б. Эйхенгрина, на протяжении нескольких последних десятилетий глобальная норма сбережений колебалась в очень узком диапазоне 23–24% [Eichengreen, 2014]. Возникает вопрос:

достаточно ли ее прироста, скажем, на 1 п.п., чтобы говорить о возникновении «переизбытка»? (Стоит добавить, что по мере роста потребительских расходов в Китае глобальную норму сбережений уже в ближайшее время, возможно, ждет ощутимое снижение.)

Ключевая для Саммерса идея отрицательной естественной нормы процента плохо согласуется с положительными темпами экономического роста и накопления капитала, которые экономика США демонстрировала в течение рассматриваемого им периода: ведь пересечение кривых сбережений и инвестиций в зоне отрицательных значений предполагает, что инвесторы должны получать на свои вложения *отрицательную* отдачу, т.е. чистый убыток. Естественно ожидать, что это должно запускать процесс дезинвестирования и, значит, вызывать падение ВВП.

Непонятно также, каким образом в мире отрицательных реальных процентных ставок возможно надувание «пузырей», на которые постоянно ссылается Саммерс как на единственное средство (помимо перенастройки экономической политики государства) для закрытия разрыва между фактическим и потенциальным выпуском [Kling, 2013].

Если, как он утверждает, американская экономика уже около двух десятилетий подряд страдает от «вековой стагнации», то тогда нужно объяснить, что же мешало балансировке сбережений и инвестиций в конце 1990-х или в начале 2000-х годов, когда проблемы нулевой нижней границы процентных ставок еще не существовало. Он такого объяснения не предоставляет. Кроме того, Саммерс, похоже, не допускает возможности ухода реальных процентных ставок в сколько-нибудь серьезный «минус». Но при номинальных ставках, равных нулю, и темпах инфляции порядка 2% реальные ставки могут опускаться до –2%. Как следствие, для того, чтобы описываемый им сценарий мог реализоваться, требуется, чтобы естественная норма процента «провалилась» еще глубже – до –5–6%, что интуитивно представляется совершенно неправдоподобным.

Более тщательный анализ не выявляет также никакого долговременного тренда к падению естественной нормы процента, что составляет отправной пункт рассуждений Саммерса. Подобный тренд действительно обнаруживается, но только для реальных ставок, рассчитываемых как номинальные ставки минус ожидаемый темп инфляции: сначала они возросли с примерно 2% в начале 1960-х годов до примерно 6% в начале 1980-х годов, но затем начали снижаться, опустившись ниже нуля к настоящему времени. Однако, как справедливо отмечают Б. Бэкуорд и Р. Поннуру, полученные таким образом оценки реальных ставок не соответствуют понятию естественной нормы процента, поскольку включают премию за риск, которая может сильно варьировать во времени [Beckworth, Ponnuru, 2014]. Премия за риск была

низкой в начале последних пятидесяти лет, высокой в середине и снова низкой в конце. И если очистить реальные процентные ставки от премии за риск, то видимость тренда исчезает и оказывается, что на протяжении всего этого полувекового периода они оставались очень стабильными, колеблясь вблизи отметки 2%. На пике циклических подъемов они могли уходить выше этого уровня, на пике кризисов – смещаться в зону отрицательных значений. Поэтому если и можно обнаружить что-то нетипичное в последнем экономическом кризисе, так это прежде всего затяжной характер выхода из него, вследствие чего реальные ставки процента, скорректированные на премию за риск, продолжали оставаться отрицательными дольше, чем это было в предыдущие рецессии. Но если это так, то тогда «стагнацию», в которую последние годы погрузилась американская экономика, было бы правильнее интерпретировать как циклическую, а не «вековую».

В более общем плане, по-видимому, прав Т. Коуэн, заметивший, что в рассуждениях Саммерса причина и следствие, похоже, переставлены местами: не недостаточно низкая реальная ставка процента стала причиной замедленного роста экономики США, а, наоборот, низкие темпы роста ВВП создали условия для удержания процентных ставок на минимальной отметке [Cowen, 2013].

Как показывают демографические прогнозы, в ближайшие годы на американский рынок труда выйдет поколение «нулевых», которое по своей численности даже превосходит послевоенное поколение бэби-бумеров. Для оснащения капитальными благами этой огромной массы новых работников потребуются значительные инвестиции, что, вопреки Саммерсу, должно активизировать инвестиционный спрос.

Как ни странно, но увеличение демографической нагрузки вследствие старения населения (имеется в виду ухудшение соотношения между численностью лиц пенсионного и трудоспособного возрастов) также в предстоящие десятилетия будет подталкивать совокупный спрос вверх. «Нормальная» динамика доходов и расходов по ходу жизненного цикла выглядит так: в молодости большинство индивидов потребляют больше, чем зарабатывают (из-за необходимости оплаты учебы, обзаведения жильем, содержания детей и т.д.); в среднем возрасте начинают активно сберегать на старость (расходы становятся меньше доходов); после выхода на пенсию начинают жить на сделанные сбережения, так что расходы вновь оказываются больше доходов. Соответственно увеличение доли пенсионеров в общей численности населения должно будет стимулировать потребительский спрос и дестимулировать сбережения, способствуя их уменьшению.

Наконец, трудно не согласиться с оценкой Р. Гордона, что идея «вековой стагнации» Саммерса выглядит сегодня несколько анахронично: странно, но она появилась именно тогда, когда американская экономика вступила на путь постепенного выздоровления, когда безработица пошла резко вниз и когда разрыв между фактическим и потенциальным ВВП сжался до минимума [Gordon, 2014b]. Все это позволяет предполагать, что проблема, которой озабочен Саммерс, носит не столько долгосрочный, сколько краткосрочный характер, и является скорее циклической, нежели хронической.

Заключение

В долгосрочной перспективе годовые темпы прироста душевого ВВП США выглядят поразительно стабильными, на протяжении уже многих десятилетий удерживаясь в районе 2%. Отклонения вверх во время бумов или вниз во время спадов были обычно непродолжительными и рано или поздно компенсировались. Конечно, при этом вклад отдельных факторов – отработанного времени, качества рабочей силы, капиталовооруженности, совокупной факторной производительности – мог сильно меняться от одного периода к другому, но, как правило, эти изменения оказывались взаимопогашающимися (уменьшение вклада со стороны одних факторов компенсировалось увеличением вклада со стороны других), так что экономический рост продолжал идти примерно одним и тем же устойчивым темпом [Lindsey, 2013].

Однако в последние годы американская экономика испытала одновременное замедление практически всех составляющих экономического роста. Отсюда – пессимистические ожидания того, что в предстоящие десятилетия рост душевого ВВП в США может опуститься намного ниже исторической «нормы» 2%.

На этой почве возродился интерес к стародавней идее «вековой стагнации» и возникли новые, более современные ее версии. В «ростовых» версиях упор делается на факторах, лежащих на стороне предложения, в «кейнсианских» – на факторах, лежащих на стороне спроса. Не все они, на наш взгляд, равноценны. Если у Коуэна и Гордона предположения о будущем характере экономического роста строятся на фактических наблюдениях, то у Саммерса получается скорее так, что одни предположения надстраиваются над другими предположениями. Похоже, что многие современные макроэкономисты оказались настолько заворожены идеей нулевой нижней границы процентных ставок, что готовы использовать ее в качестве универсальной отмычки для объяснения едва ли не всех ключевых проблем, с которыми приходится сейчас сталкиваться экономикам развитых стран.

В случае США об ослаблении многих источников экономического роста сегодня можно говорить с большой степенью уверенности. Так, почти полностью приостановлено или даже повернуто вспять действие таких важнейших его драйверов, как накопление человеческого капитала и наращивание продолжительности рабочего времени. Наибольшая неопределенность, как и всегда, сохраняется в отношении ожидаемой динамики показателей производительности, т.е. будущей траектории технологического прогресса. Одни исследователи выступают в роли технооптимистов, другие – в роли технопессимистов. Но все согласны с тем, что только его ускорение сможет компенсировать те негативные эффекты, источником которых будут выступать другие механизмы экономического роста.

И все же большинство прогнозов о будущих темпах роста душевого ВВП в США, принадлежащих наиболее авторитетным исследователям в этой области, приходят к выводу, что избежать его торможения – как минимум на 0,5 п.п., а может быть, и еще сильнее – практически невозможно (табл. 2). Скорее всего, это торможение будет не настолько сильным, чтобы говорить о «стагнации», но в том, что темпы роста в предстоящие десятилетия будут существенно ниже, чем раньше, сейчас мало кто сомневается. По-видимому, помочь избежать этого могут либо глубокие структурные реформы, направленные на исправление институциональных искажений в американской экономике, либо неожиданное ускорение технологического прогресса.

Таблица 2. Альтернативные прогнозные оценки среднегодовых темпов прироста ВВП США, %

	Д. Джоргенсон (2010–2020)	Р. Гордон (2007–2027)	Дж. Ферналд (2023)	Комитет по операциям на открытом рынке ФРС («долгосрочный прогноз»)	Бюджетное управление Конгресса США (2019–2023)
ВВП	1,91	2,40	2,10	2,40	2,30
ВВП на душу населения	1,05	1,58	1,36	1,63	1,55

Источник: Lindsey, 2013.

И последнее замечание: вступление американской экономики в эпоху более низких темпов роста производительности в начале 1970-х годов совпало – случайно или нет – со взрывным скачком мировых цен на нефть. Может быть, начавшееся не так давно резкое снижение нефтяных цен, если оно продлится достаточно долго, приведет к настолько серьезной перестройке структуры относительных цен, что благодаря этому откроется новый период ускоренных темпов роста производительности?..

Литература

Афонцев С.А. Мировая экономика в поисках новой модели роста // Глобальная перестройка / под ред. А.А. Дынкина, Н.И. Ивановой. М.: «Весь Мир», 2014.

Полтерович В.М. Гипотеза об инновационной паузе и стратегия модернизации // Вопросы экономики. 2009. № 6. С. 4–22.

Baily M., Manyika J., Gupta S. U.S. Productivity Growth: An Optimistic Perspective // International Productivity Monitor. 2013. Vol. 25. No. 1. P. 3–12.

Beckworth D., Ponnuru R. Stagnant Economics: The Case Against “Secular Stagnation” // National Review. 2014. October 6. P. 34–36.

Bernanke B. The Global Saving Glut and the U.S. Current Account Deficit. Sandridge Lecture. Richmond, Virginia: Virginia Association of Economists, 2005. March 10.

Brynjolfsson E., McAffee A. The Second Machine Age: Work, Progress, and Prosperity in a Time of Brilliant Technologies. W.W. Norton & Company. 2014.

Byrne D.M., Oliner S.D., Sichel D.E. Is the Information Technology Revolution Over? // International Productivity Monitor. 2013. Vol. 25. No. P. 20–36.

Cowen T. The Great Stagnation: How America Ate All The Low-Hanging Fruit of Modern History, Got Sick, and Will (Eventually) Feel Better. N.Y.: Penguin Group, eSpecial from Dutton. 2011.

Cowen T. Are Real Rates of Return Negative? Is the “Natural” Real Rate of Return Negative? // Marginal Revolution. 2013, November 18 <http://marginalrevolution.com/marginalrevolution/2013/11/are-real-rates-of-return-negative-is-the-natural-real-rate-of-return-negative.html>.

Eichengreen B. Secular Stagnation: A Review of the Issues / Secular Stagnation: Facts, Causes, and Cures / ed. by C. Teulings, R.L. Baldwin. CEPR Press. A VoxEU.org eBook. 2014.

El-Erian M.A. New Normal // PIMCO Secular Outlook, May 2009 <http://media.pimco.com/Documents/Secular%20Outlook%20May_09%20Email-Web%20FINAL3.pdf>.

Fernald J.G. Productivity and Potential Output Before, During, and After the Great Recession. Federal Reserve Bank of San Francisco Working Paper Series. Working Paper 2014–15. San Francisco: Federal Reserve Bank of San Francisco, 2014.

Fernald J.G., Jones Ch.I. The Future of US Economic Growth // American Economic Review. 2014. Vol. 104. No. 5. P. 44–49.

Field A.J. The Most Technologically Progressive Decade of the Century // American Economic Review. 2003. Vol. 93. No. 4. P. 1399–1413.

Goldin C., Katz L.F. The Race between Education and Technology. Cambridge, MA: Belknap Press, 2008.

Gordon R.J. Is U.S. Economic Growth Over? Faltering Innovation Confronts the Six Headwinds. National Bureau of Economic Research Working Paper No. 18315. Cambridge, MA: NBER, 2012.

Gordon R.J. The Demise of U.S. Economic Growth: Restatement, Rebuttal, and Reflections. NBER WP No. 19895. Washington: NBER. 2014a.

Gordon R.J. The Turtle's Progress: Secular Stagnation Meets the Headwinds / Secular Stagnation: Facts, Causes, and Cures / ed. by C. Teulings, R.L. Baldwin. CEPR Press. A VoxEU.org eBook. 2014b.

Greenspan A. Testimony of Chairman Alan Greenspan. Committee on Banking, Housing and Urban Affairs, U.S. Senate. 2005. February 16.

Hansen A.H. Economic Progress and Declining Population Growth // American Economic Review. 1939. Vol. 29. No. 1. P. 1–15.

Hathaway I., Litan R.E. Declining Business Dynamism in the United States: A Look at States and Metros. Economic Studies in Brookings. Washington: Brookings Institute. 2014, May.

Jones Ch.I. Sources of the U.S. Economic Growth in a World of Ideas // American Economic Review. 2002. Vol. 92. No. 1. P. 220–239.

Jones Ch.I., Romer P.M. The New Kaldor Facts: Ideas, Institutions, Population, and Human Capital // American Economic Journal: Macroeconomics. 2010. Vol. 2. No. 1. P. 224–245.

Jorgenson D.W. A Prototype Industry-Level Production Account for the United States, 1947–2010. Presentation at the WIOD Conference, Groningen, The Netherlands. 2014, April 25.

Kling A. Secular Stagnation? Seriously? // Askblog. 2013, November 18 <http://www.arnoldkling.com/blog/secular-stagnation-seriously/>.

Lindsey B. Why Growth Is Getting Harder. Cato Institute Policy Analysis No. 737. 2013. Washington: Cato Institute. 2013.

Mokyr J. Secular Stagnation? Not in Your Life / Secular Stagnation: Facts, Causes, and Cures. Ed. by Teulings C. and Baldwin R. L.: CEPR Press. A VoxEU.org eBook. 2014a.

Mokyr J. The Next Age of Invention: Technology's Future Is Brighter Than Pessimists Allow // City Journal. 2014b. Winter. P. 12–20.

Summers L. Speech at the IMF Fourteenth Annual Research Conference “IMF Economic Forum: Policy Responses to Crises”. Washington, DC, 9 November 2013a.

Summers L. Why Stagnation Might Prove to Be the New Normal // The Financial Times. 2013b, December 15 <http://www.ft.com/intl/cms/s/2/87cb15ea-5d1a-11e3-a558-00144feabdc0.html#axzz2u9xxmNOh>.

Summers L.H. Reflections on the New Secular Stagnation Hypothesis / Secular Stagnation: Facts, Causes, and Cures / ed. by C. Teulings, R.L. Baldwin: CEPR Press. A VoxEU.org eBook. 2014a.

Summers L.H. U.S. Economic Prospects: Secular Stagnation, Hysteresis, and the Zero Lower Bound // Business Economics. 2014b. Vol. 49. No. 2. P. 65–73.

Syverson C. Will History Repeat Itself? Comments on “Is the Information Technology Revolution Over?” // International Productivity Monitor. 2013. Vol. 25. No. 1. P. 37–40.

Taylor J.B. The Problem Is Policy Not a Secular Decline in the Real Interest Rate // Economics One. 2013. November 18 <http:// economicsone.com/2013/11/18/the-problem-is-policy-not-asecular-decline-in-the-real-interest-rate/>.

Рисунки

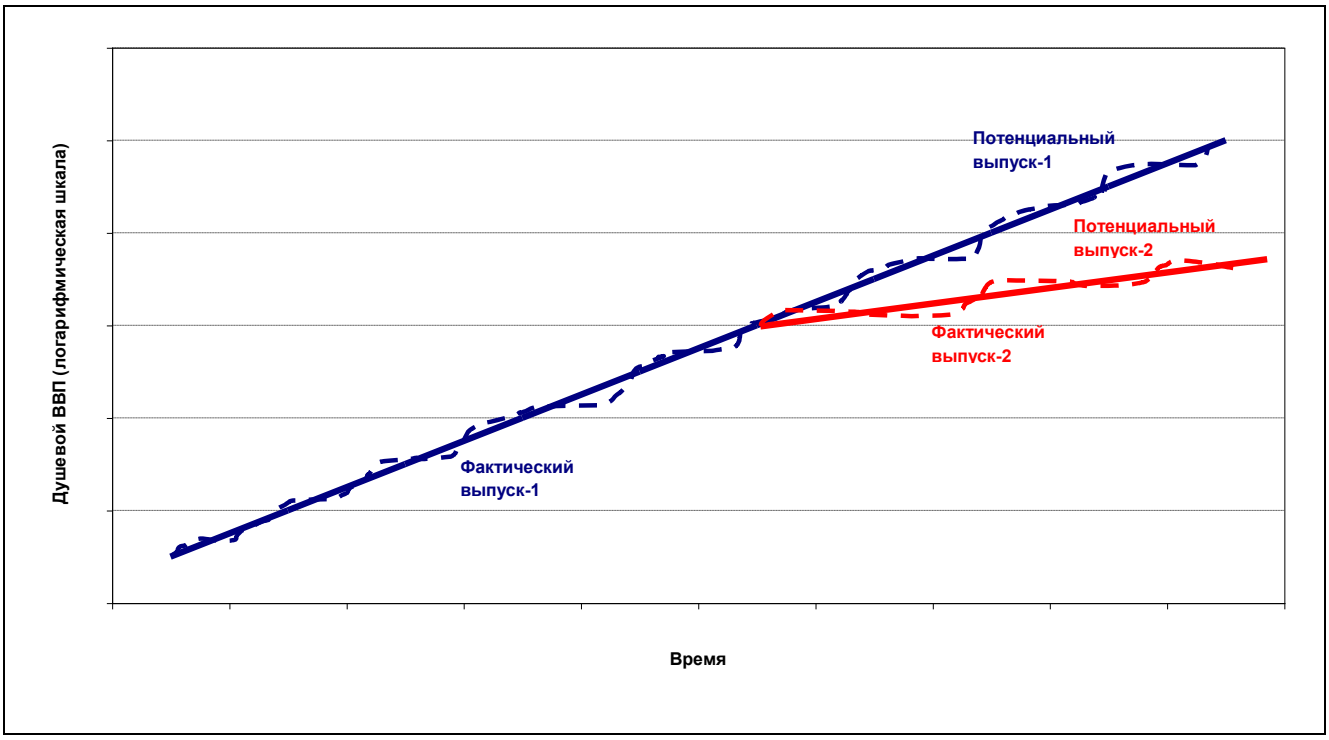


Рис. 1. Сценарий-1: переход экономики на более низкую траекторию роста потенциального выпуска

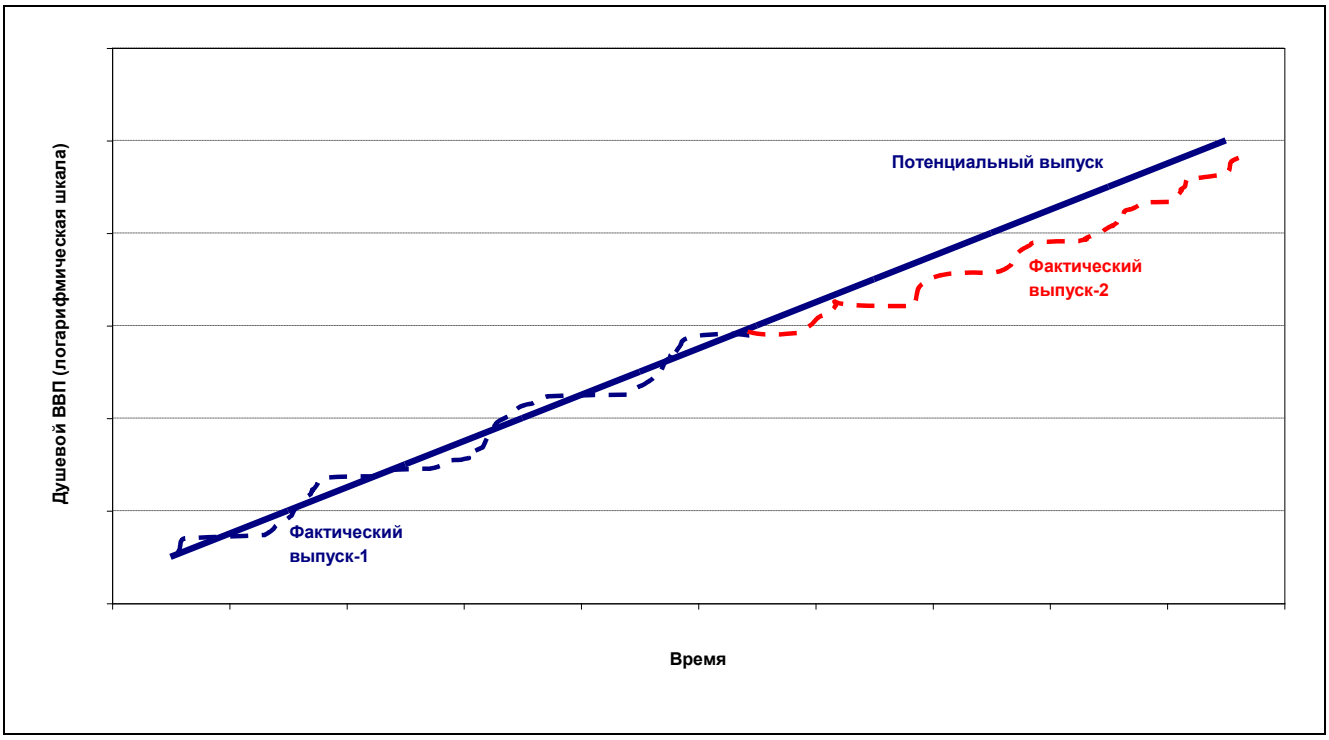


Рис. 2. Сценарий-2: образование хронического разрыва между траекториями потенциального и реального выпуска

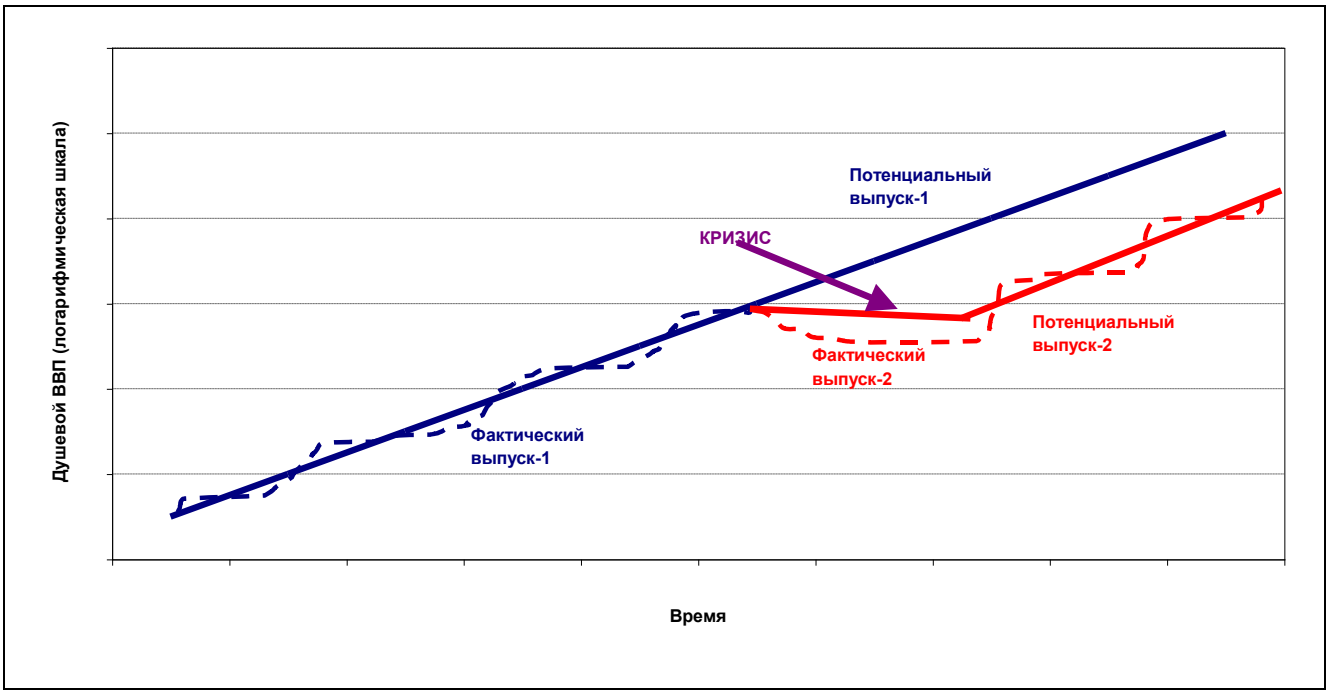
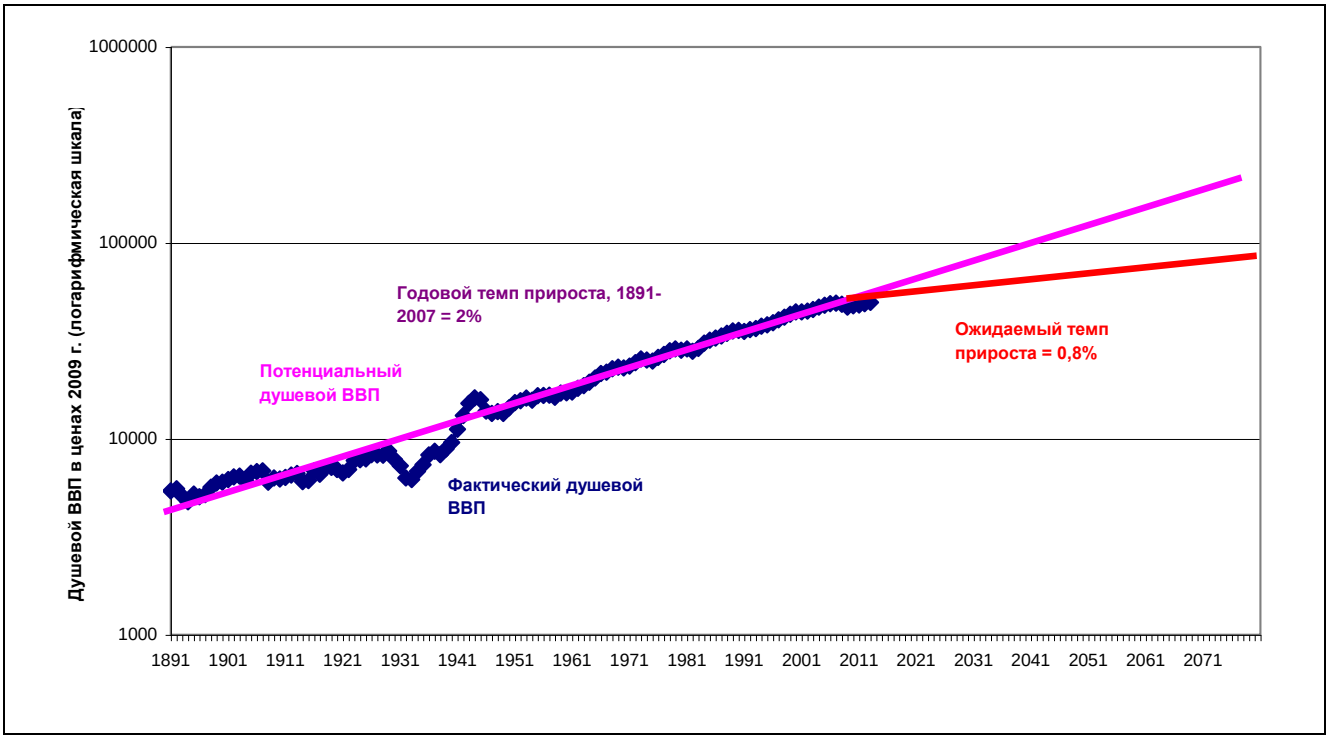
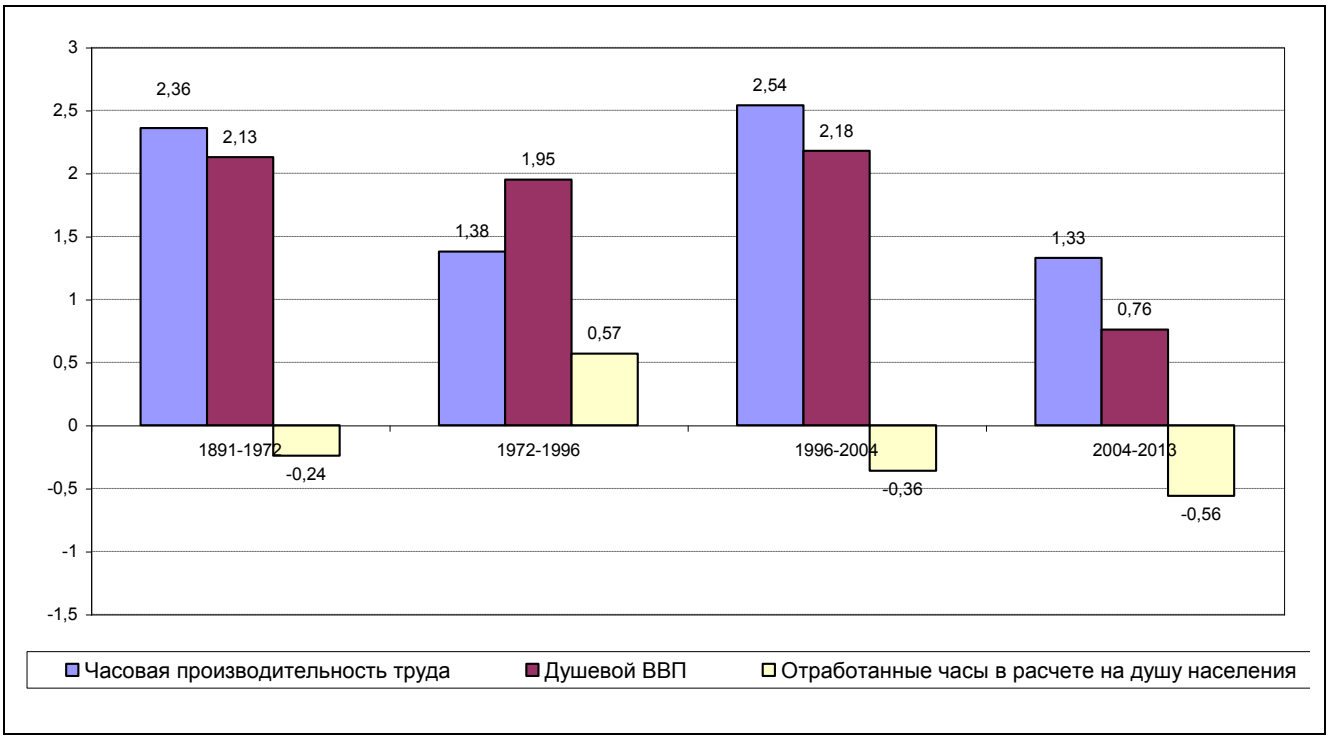


Рис. 3. Сценарий-3: некомпенсированные потери в результате кризиса при сохранении прежнего темпа прироста потенциального выпуска (угла наклона соответствующей кривой)



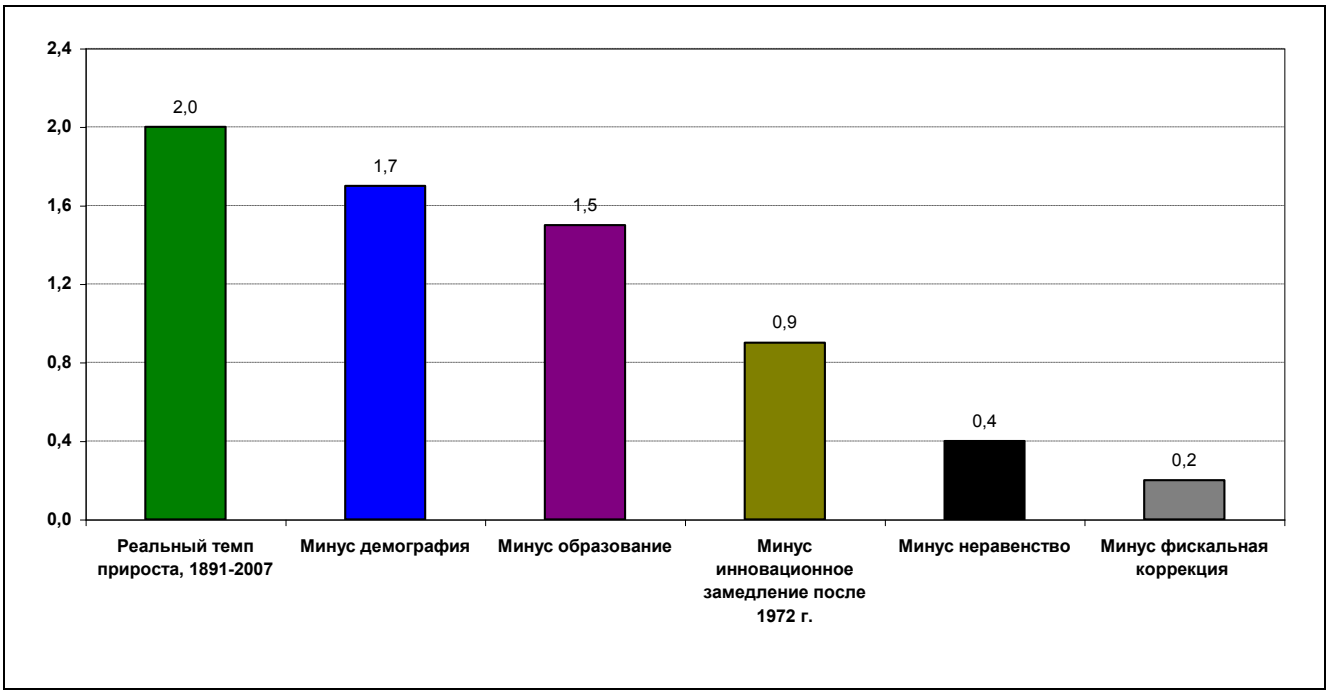
Источник: Gordon, 2014a.

Рис. 4. Долговременная фактическая траектория роста ВВП на душу населения США, 1891–2013 гг., и прогноз до 2077 г. при сохранении прежнего тренда



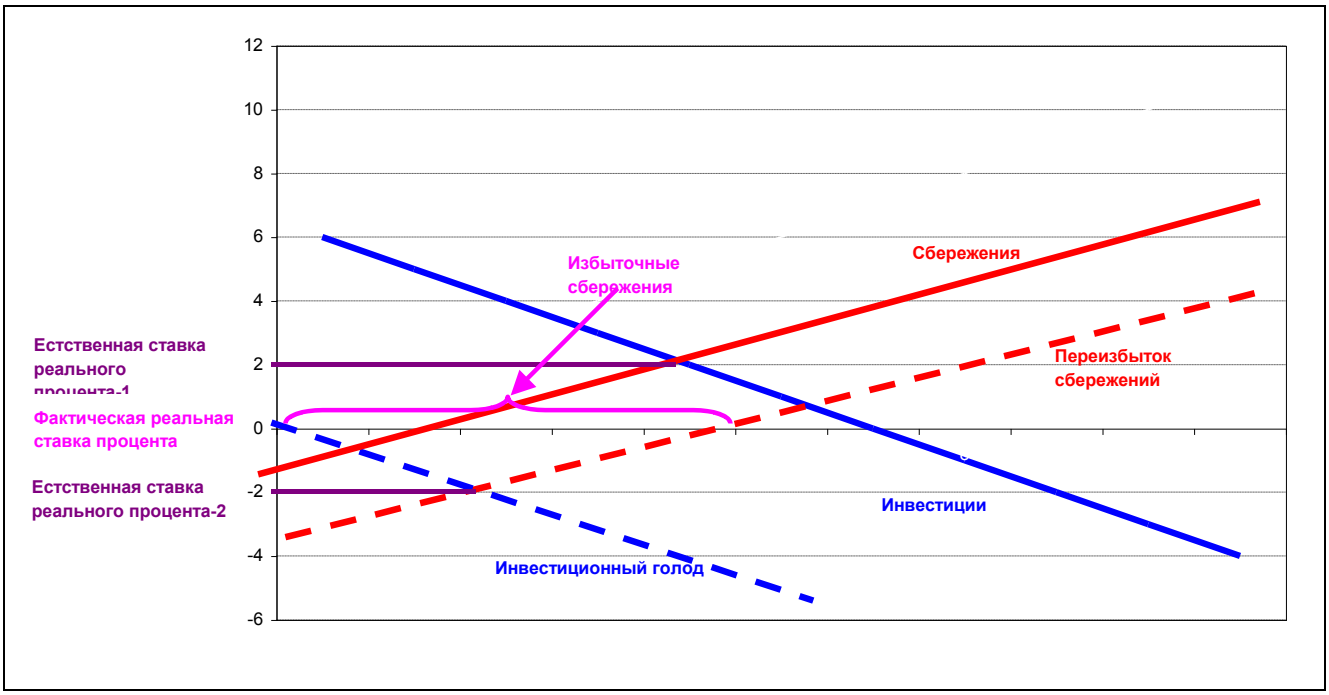
Источник: Gordon, 2014a.

Рис. 5. Годовые темпы прироста душевого ВВП, часовой производительности и количества отработанных часов в расчете на душу населения, США, 1891–2013 гг., %



Источник: Gordon, 2014a.

Рис. 6. Факторы, объясняющие замедление роста располагаемого дохода наименее состоятельных 99% населения по сравнению с исторической «нормой» 2%



* Сплошные линии соответствуют первоначальным, пунктирные – новым кривым желаемых сбережений и инвестиций (после их сдвига). До появления «переизбытка сбережений» и «инвестиционного голода» пересечение этих кривых происходит при естественной норме 2%, после – при естественной норме –2%. Если, например, при отсутствии инфляции реальную ставку процента невозможно опустить ниже нуля (из-за проблемы zero lower bound), то образуются избыточные сбережения, обозначенные на графике фигурной скобкой.

Рис. 7. Сочетание «переизбытка сбережений» с «инвестиционным голодом», в условиях отрицательной естественной нормы процента*

Kapeliushnikov, R.
The idea of secular stagnation: three versions (a review article) [Electronic resource] : Working paper WP3/2015/02 / R. Kapeliushnikov ; National Research University Higher School of Economics. – Electronic text data (2 Mb). – Moscow : Higher School of Economics Publ. House, 2015. – (Series WP3 "Labour Markets in Transition"). – 42 p. (In Russian.)

The paper analyses the idea of "secular stagnation" actively discussed in the recent economic literature. It examines the most popular versions of this idea offered by T. Kowen, R. Gordon and L. Summers. Author concludes that in the next decades a slowdown of economic growth in the U.S. is highly probable although this slowdown hardly would be so serious to characterize it as "stagnation".

Key words: economic growth, productivity, stagnation, the United States

JEL: O33, O40, O47, O51

Препринт WP3/2015/02
Серия WP3
Проблемы рынка труда

Капелюшников Ростислав Исаакович

Идея «вековой стагнации»: три версии (обзорная статья)